

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Анна ЧЕРНЫШЕВА
Звезда бессмертия

Роман

Часть I

Новокузнецк
2015

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Ч 49

Чернышева Анна Анатольевна

Звезда бессмертия : роман : часть I / Анна Чернышева ;
Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя,
Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики
«Контакт». – Новокузнецк, 2015. – 92 с. : ил., портр.

©Анна Чернышева

На первой странице обложки

– наиболее известная химера Нотр Дам полуженщина-полуптица

Стрикс на офорте французского гравёра **Шарля Мериона** (1853 год)

На четвёртой странице обложки

– химера Стрикс над современным городом (фото)

ЧЕРНЫШЕВА Анна Анатольевна родилась 1 мая 1975 г. в Новокузнецке. Закончила исторический факультет Кузбасской государственной педагогической академии. Инвалид. Передвигается на коляске. Достаточно тесное общение с КЛФ «Контакт» с 2001 года. Первая публикация – сказка «Босиком за Василисой» – в сборнике «Люди в квадрате: Проза "Контакта"» (Новокузнецк, 2004). В 2008 году Новокузнецким полиграфкомбинатом выпущена книга исторических и мистико-исторических рассказов Анны Чернышевой «Будущие воспоминания». В 2010 году КЛФ «Контакт» выпустил книжку исторических и фантастических рассказов Анны «После дождя», а в 2014 – роман «Чужие боги». В 2015 году вышли её книжечки «Средство от депрессии» и «Бог решает молча». Член Российского Союза писателей.

Глава первая ЧЁРТ ЗНАЕТ ЧТО

Роскошная брюнетка под душем. Вода льётся по груди, спине, бёдрам, мокрые волосы лежат на смуглых плечах, пар обнимает стройную фигуру, рука скользит по плоскому животу... Эротично?

Ничего подобного! Мокрая пятка поскальзывается на гладкой плитке, я теряю равновесие и лечу на пол. Падая, жутко стучаюсь головой о край ванны, задеваю ещё что-то железное, мокрое, всё! Пол! Всем телом ощущаю, какой он холодный и твёрдый. Лежу. Боюсь открыть глаза, дышу осторожно. Как громко шумит вода...

– Лиза, Лиза!

«Откуда он взялся? А, да, щеколда на двери давно сломана. Зачем он так орёт?»

Открываю глаза, Серёга сидит рядом на полу в плавках и одном носке, держит мою голову, смотрит дико. К горлу подкатила противная тошнота, Серёга, конечно, гад, но не настолько же! Хочу приподняться, желудок сразу лезет наружу.

– В постель, – командую я оченьдохлым голосом.

Наконец-то тепло и сухо! Вот он, рай! Расслабляюсь, закрываю глаза, кайф.

– Лиза!

«Что ещё?»

– Мне надо идти, ты тут сама справишься!

Наверное, я ответила, потому что он ушел. Настала тишина. Спать, спать...

Ещё не совсем проснувшись, щёлкаю кнопку телевизора, диктор сразу же сообщает мне, что президент Ельцин отлично себя чувствует. Вот бы и мне такое самочувствие. Президент опять куда-то намылился, с кем-то встретился, новости как новости, ничего особенного. Армагеддона всё ещё нет, а предсказывали-то, предсказывали! 1999 – поворотный год! Обыкновенный год. Терпеть не могу политику! Решительно выключаю телевизор.

Сижу перед зеркалом в полном ужасе. Вокруг правого глаза сияет густая синева. Если буду спать на одном боку, чтобы синяк не стёк к переносице, будет похоже на жирную подводку. Нет! Это ужасно! Веко вспухло, моргать больно. Это же надо, сама себе глаз подбила! На лбу – большой прыщик, губы потрескались, кожа сухая. Да, как меня только мужчины любят?!

Нет, нет! Я ещё очень ничего! Подумаешь, двадцать три! Брюнетка с голубыми глазами, лоб высокий, и фигура отличная: ноги длинные, грудь, талия – всё при мне. Вообще, я красавица! Вот только синяк! Чёрт бы его побрал! Как хорошо, что институт можно прогуливать! Плюнуть

на всё и валяться в постели. Всё, решено, так и сделаю. Быстрее, быстрее, в тёплую кровать. А ведь голова-то болит!

Звонок в дверь, только не это! Не буду открывать, не буду! И всё равно иду покорно к двери, шоркаю тапочками, запахиваю халат.

– Кто там?

– Открывай, открывай, – несётся из-за двери, – долго я ещё буду ждать?!

Светка. Умеет она прийти вовремя. Сейчас начнутся охи, вздохи, как бы не показывать ей синяк?

– Лиза, я первым делом к тебе, я такую кофточку видела, отпад! Ох, Лиза, что с тобой?

И на лице отразился вселенский ужас! Моя Светка – маленькая блондинка с огромным темпераментом. Всегда в ярком: красном, синем, жёлтом или с ног до головы в чёрном. У неё нет полутонов ни в одежде, ни в жизни, либо в восторгах, либо в депрессии.

– Ой, что случилось? Неужели, Сергей? – она даже за сердце схватилась.

– Да, нет, – машу я руками, – я сама поскользнулась в ванной. Сделала ремонт на свою голову.

– Точно? – она щурится недоверчиво. – Ты его не выгораживаешь?

– Боже упаси! Если б он только попробовал, я б ему сковородкой ответила! Ну, что мы застряли в коридоре, пошли на кухню, у меня ещё торт остался.

Она сбрасывает сиреневое пальтишко и миру открывается нечто настолько пёстрое, что в глазах рябит. Слава богу, Света настроена благостно! Вобравшись с ногами на узкий диван, она стрекочет без умолку. Пока я кручусь с чаем, Света повествует: о головокружительной страсти к предпринимателю Никите, новой сногшибательной квартире дяди Игоря, непереносимой духоте в парикмахерской и ценах на рынке.

– Пей, пока не остыл.

– Сейчас, дай дорассказать. Ты видела новую историчку? Нет? Зовут Полина Уговна. Это где ж такие имена? – ответов Светке не требуется. – Говорят, на экзаменах зверствует...

Я терпеливо внимаю, киваю головой, а голова моя продолжает болеть и мечтать о воссоединении с подушкой.

– Что-то у тебя вид кислый, – наконец заметила Света.

Я прикладываю руку к синяку, морщусь...

– Болит? – наивно спрашивает подруга.

– Не очень.

– Но выглядит, конечно, ужасно безобразно.

– Спасибо, умеешь ты утешить.

– Ну, что поделаешь, если это жутко. Слушай, а косметикой? Тональным, пудрой пробовала?

– И пробовать не буду, тут хоть гипс наложи, ничего не спрячешь, фонарь неугасимый.

- Тогда надо тёмные очки!
- Придумала тоже. В тёмных очках под осенний дождь. По-твоему, они сочетаются с сапогами и пальто?
- Да, так ещё быстрее заметят, – соглашается Светка.
- Заметят и придумают чёрте что, не надо мне такого внимания.
- Что же ты будешь делать?
- Выход есть! – заявляю я. – Останусь дома, буду плющиться под одеялом. Хоть отосплюсь, а то так голова болит.
- Ой, это же может быть сотрясением мозга!
- Похоже, оно и есть.
- А ты «скорую» вызывала?
- Нет.
- Вызови!
- Теперь-то зачем? Синяком любоваться?
- Надо вызвать, обязательно!
- Какая же она всё-таки паникёрша!
- Ты не представляешь себе возможные последствия. Это же так серьёзно! С сотрясением шутить ни в коем случае нельзя! Я читала в «Космополитен», что одна женщина упала вот так, и память потеряла...
- Но я-то тебя помню, и кто такой дядя Игорь не забыла. Значит, это не мой случай.
- А ещё в мозгу может лопнуть сосудик, тебя парализует, и ты не сможешь даже пошевелиться!
- Я принимаюсь прыгать и отплясывать твист в доказательство, что со мной не случился инсульт.
- Я похожа на паралитика?
- Нет, конечно, – охотно соглашается Света и набирает побольше воздуха, чтобы поведать мне и миру ещё что-то душераздирающее, но я спешу сбить её с темы.
- Хватит меня пугать! Кто в прошлый раз жаловался, что помирает без взбитых сливок? Лопай, пожалуйста.
- Ядвигаю ближе к ней блюдо с большим куском торта. Светка смолкает, занявшись им. Я тоже кладу себе десерт и с радостью отмечаю, что розочки и фиалки из крема, доставляют мне массу удовольствия. От противной тошноты и следа не осталось, и голова болеть перестала. Счастлива я отпетая. А Светка принялась опять за своё:
- Это ещё что! Я тут вспомнила историю про одного мужика... кто же мне её рассказывал, ладно, неважно. То ли Игорь, то ли Никита?
- Так что же было с мужиком? – бурчу я сквозь набитый рот.
- Она отодвигает пустое блюдо, принимает живописную позу, поправляет кулон на груди.
- Так вот, он отдыхал на Багамах...
- Начало мне уже нравится!
- Купался в океане...

– Ещё лучше!

– И заснул на надувном матрасе посреди бела дня!

– Ага, свалился во сне в воду, зашиб акулу, получил «производственную» травму, и теперь на страховку живет на Багамах до сих пор. А акулу сдали в музей.

– Нет, – смеётся Светка.

– А куда дели? Съели? Всю?

– Да нет же, не перебивай! Он получил солнечный удар и стал ясновидящим.

– Ну, уж это мне не грозит. Здесь совсем не Багамы, и не Гавайи.

– И солнышка что-то маловато, – закивала Светка, глядя на тучную серость за окном.

Мы смеёмся, пачкаемся кремом, пьём чай, благодать! А кто-то скучает на лекциях.

После Светкиного ухода, я, совсем ожившая, мою посуду, пол, хватаюсь за стирку, пылесос – всё сразу! Решительно застилаю постель, а может... по окончании стирки я уверена, что застилала её зря. Взбиваю подушку, потягиваюсь... опять звонок! Шлёпаю в коридор, ну что за невезенье! Резко дёргаю дверь, у порога горбится здоровенный тип в фуфайке.

– Слесаря вызывали?

– Нет.

– А у меня записано.

– Я никого не вызывала.

– Точно?

– Да, точно.

– А муж?

– Что муж? – не понимаю я.

– Это он тебя? – басит, сочувственно кивает на мой синяк.

Я хлопаю перед ним дверью. Достали! Снова хватаюсь за пылесос. Короче говоря, в постели я оказываюсь только в два часа ночи. Страшно измотанная и усталая. Закрываю глаза, а передо мной всё плывёт, моя немислимо чистая квартира. Я засыпаю...

Клинок обжёт мне плечо, я отбил удар, отскочил. Перед лицом молниями носились ещё две шпаги. Сколько же их? Выпад, удар, выпад. Кого-то задел, хоть бы Мончини. Будь он проклят! Правая рука слабеет, перебросил шпагу в левую, уже не то. Правая повисла плетью, рукав стал алым. Шаг назад, шаг вперед, туше¹! противник свалился прямо мне под ноги. Я запнулся, едва не упал. Удар, и моя шпага сломалась у самого эфеса² Мончини смеётся злорадно, я отбил его клинок своим обломком и изо всех сил шархнул

---

¹туше (фр.) – в фехтовании касание, точный выпад.

²эфес – защищённая рукоять холодного оружия.

массивной гардой¹ ему по челюсти. Он кубарем покатился по лестнице. Я бросил обломок, схватил лавочку и запустил в наступавших, повалил шкаф. Пока они выбирались из-под мебели, я успел кое-как перезарядить пистолеты. Два выстрела закончили дело. Совершенно без сил я опустился прямо на пол. Гостиная была похожа на поле боя: трупы, кровь, битая посуда, перевёрнутая мебель, оборванные шторы, пороховой дым.

– А-ах!

Вошла баронесса, глянула и сползла по стеночке. Только женщины в обмороке мне сейчас и не хватало! Я с трудом поднялся, на ватных ногах поплёлся к ней, присел рядышком. До чего же она красива! Даже в обмороке лежит, будто позирует художнику. Что делают в таком случае? Где-то я видел воду. Дотянулся до вазы с розами, выбросил цветы, всё равно завяли, и плеснул воду в лицо Жанне.

– Прости, любимая, на что сил хватило.

Она тут же очнулась, посмотрела на меня огромными тёмными глазами, ничего не понимая. Голубой шёлк лифа намок и потемнел, на груди блестели капли воды, с её светлых волос капало.

– Что случилось? Боже мой! Ты жив?

– Кажется, – поморщился я, кровь с руки капала на роскошное платье.

– Ты ранен, а Мончини?

– Твой муж скоро очухается, вон там, в углу за комодом. Так что мне надо уйти отсюда как можно скорее.

– Где он? Что с ним?

Она вскочила, торопливо поправила юбки, направилась к комоду.

– Антонио, Антонио, как ты?

Уж таковы женщины. Она вдруг обернулась.

– Тебя надо перевязать!

Баронесса схватила шёлковую скатерть со стола, вернулась ко мне.

– Кто тебя? Он? – спросила она строго.

– Он.

– Сейчас.

Жанна подобрала на полу брошенный кинжал, разрешила скатерть на полосы, стала перевязывать мне руку.

– Ты идти можешь?

– Пока могу.

– Жаль, я слуг отпустила. Придётся тебе все делать самому.

Коня моего у ворот не было. Мончини позаботился. Пришлось возвращаться к конюшне. Перед глазами уже плыли тёмные круги, страшная усталость тянула к земле. Я прислонился к стволу дерева, закрыл глаза.

– Эй, сеньор.

Прямо передо мной Мончини, половина лица залита кровью. Мне в грудь упирается дуло пистолета.

---

¹ гарда (фр.) – чаша на шпаге, защищающая руку.

«Какая мерзкая у Мончини улыбка...»

Выстрел...

И я просыпаюсь. Слава Богу, жив! Чего только не привидится после такой драки. Всё тело болит. Совсем не отдохнул за ночь. И правый глаз запыл, это наёмник Мончини меня двинул канделябром. Надо встать, умыться, побриться.

«Чёрт! Где это я?! Убожество какое! Потолки низкие белёные, окошко как бойница, комнатка как шкаф. Что это? Трактир? Тюрьма? А за окном-то что? Фу, дрянь какая! Башка болит!»

Стою посреди комнаты, сжимаю руками голову, медленно соображаю.

«Стоп, стоп, стоп... что было сном? Мончини? Не может быть! А это что? Когда? Где?»

На стене зеркало. Подхожу, смотрю.

«Я схожу с ума!!»

Вдруг всё встаёт на свои места. Я спала и просто видела сон про... про... про то, что меня... убили.

«Приснится же такое! Да, ещё так натурально, во всех подробностях».

Я даже проверяю, нет ли шрама на руке.

«Никогда ничего подобного во сне не переживала. Я фехтовала, стреляла, а наяву и понятия не имею, как это делается. Наверное, просто фильмов насмотрелась... Так ничего исторического уже давно не смотрела. Какие же это времена? Шпаги, платья, шляпы с перьями... похоже на семнадцатый век, где-нибудь в Европе. Бурная же у меня фантазия. А эта Жанна... редкостная! И вашим, и нашим. И надо же такому присниться! Ого, уже двенадцать часов! Надо быстренько просыпаться, гладить юбку и бежать к соседке, позвонить Галке. Может, она хоть хлеба мне принесёт, есть хочется! Только побриться сперва надо. Тьфу ты!»

Глава вторая ХОЧУ ЛЮБВИ БОЛЬШОЙ И ЧИСТОЙ!

Надоело мне читать про чужую любовь! И фильмы смотреть не могу больше! Где ты, принц на розовом слоне! Где тебя черти носят?

А Серёга? Ну, что Серёга? Он, конечно, милый, но всю жизнь с ним! Да, я озверю! Он прекрасен тем, что появляется время от времени. Просто было одиноко и скучно, было много людей и шампанского. Прозаично, как детские прописи. А потом он пришёл с девушкой, и я из озорства стянула всё внимание на себя. Спутница была забыта, а я купалась в своей непобедимости. У дверей он «со смыслом» глядя мне в глаза, спросил: «Я вернусь?», а я бездумно кивнула. Вот и всё.

А хочется, хочется чего-то такого! Пресно мне стало после этого дурацкого сна. Будто не хватает чего-то важного, от чего глаза горят, и жить хочется.

Сижу на диване среди подушек и уговариваю себя, что не всё так уныло. Надо срочно вспомнить что-нибудь яркое, на всю катушку! Перед

глазами опять мелькают шпаги, шляпы с перьями... к чёрту сны, что, у меня наяву впечатлений не хватает? Тупо смотрю в стену. В квартире тихо, слышно, как льётся вода у соседей, воробьи дерутся за окном, электричка шумит за рекой. Я прислушиваюсь к стуку колёс, вот она романтика: поезда, новые города, новые люди. И я вспоминаю, как бешено билось сердце под такой вот стук колёс далеко-далеко в зимнем Питере. Как давно это было! Мне пятнадцать лет, я первый раз в Санкт-Петербурге, глаза распахнуты, смотрю на всё жадно, сама себе не верю, а электричка легко и стремительно несёт меня из пригорода в центр. За окном сугробы, ёлки, совсем как дома. Остановка, отрываюсь от окна, смотрю на входящих людей. Хмурая тётка с авоськами, деловой мужичок в смешной кепке, девочка с бабушкой, дёргает её за руку, что-то щебечет, ватага студентов с гитарой и каким-то оборудованием. Вдруг – я прячу глаза, даже жмурюсь. Я влюбилась, глянула и влюбилась. Увидела и обожглась. Боже! Куда спрятаться? Смешно, а я чуть не умерла. Он высокий, красивый, уверенный, большие тёмные глаза, бархатный голос. Сама элегантность и обаяние. А я пятнадцатилетняя страшилка в прыщах и в красной шапке с помпонами. Он меня и не замечает, а я так хочу раствориться в воздухе, что дышать боюсь. Студенты совсем рядом, шумят, смеются, я смотрю на него украдкой. Так страшно и так сладко.

Когда он выходит, мне становится легко и грустно. Что сейчас четыре года разницы, подумаешь. А тогда это была бездна. Дней десять я каждое утро езжу на электричке в центр, и каждый раз таю и прячу глаза, увидев его. А потом я возвращаюсь домой, и он остается в далёком и прекрасном Санкт-Петербурге. И никогда больше у меня так не замирает и не бьётся сердце. Наверное, дело в тревожной и волшебной поре юности, а может быть, в том незнакомце.

Я сижу, улыбаюсь прошлому; постепенно образы бледнеют, тают. Я снова вижу до тошноты знакомые стены. Трясу головой: пора возвращаться к действительности. Тем более, что действительность так и требует к себе внимания: на плите надрывается, свистит чайник, кто-то терзает дверной замок, форточка хлопает от ветра. Закрываю форточку, открываю дверь, бегу снимать чайник. Серёга вваливается на кухню сосредоточенный, как спикер парламента, падает на табурет, смотрит на меня молча. Я удивлённо поднимаю брови.

– Давай жить вместе, – рожает Серёга и смотрит натужно.

– Это что, предложение руки и сердца или тебя из дома выгнали? – легкомысленно интересуюсь я и отворачиваюсь заваривать чай.

– Надоело мне мотаться туда-сюда, хочу жить здесь, – бубнит он мне в спину, – не всё ли тебе равно, а мне каждый день не мотаться через весь город.

– Ну, предположим, не каждый день.

– Не важно, у тебя же всё равно три комнаты...

– А у твоих родителей только две, логично.

– Ну, вот и я также подумал, проживём вместе, попробуем. Ты будешь готовить, стирать...

– А ты? – я обернулась.

– Я буду тебе помогать, – заверяет он, – ну всякие мужские дела делать.

– Начинай, – я решительно указываю на засорившуюся раковину.

Он сморщился, заёрзал на табурете.

– А как?

– Руками, – огрызаюсь я.

– Это же раскручивать, там грязь...

– А ты как думал.

– Ладно, я сделаю попозже. Чаю попью, переоденусь, вечером сделаю.

Поесть есть что-нибудь?

– Вечером.

– Ну, что ты такая злая? Я пришёл, в хорошем настроении, хотел по-человечески...

– По-человечески? – смеюсь я, передразниваю его. «Ну, это, мне ездить далеко, так ты мне теперь готовь, стирай, а я тоже, может быть, тебе чего сделаю». Великолепно.

– А как тебе ещё надо?

– «Лизонька, милая, я без тебя скучаю, хочу больше времени проводить с тобой, помогать тебе во всем». Например.

– Но это же лесть! – сидит и смотрит на меня честными глазами.

– Зато я обрадовалась бы.

– Ты меня выгоняешь? – и губы надул как ребёнок.

– Да, нет, оставайся, – пожимаю плечами я.

Чай мы пьём уже по-семейному. И телевизор смотрим вместе, и вещи его раскладываем. Серёга светится от удовольствия, зато, едва я напоминаю о раковине, он сразу гаснет и морщится.

– Потом.

– Почему? – я делаю наивное лицо.

– Ну, давай, – тяжело вздыхает он.

Серёга неохотно встает с дивана, топает на кухню, усаживается под раковинной, вздыхает. Собравшись с духом, он откручивает трубу и подаёт её мне.

– На, промой.

– купишь машину, будешь меня звать менять колеса? «Они же грязные!» Давай ты уж всё сам, открутить и сломать я и сама могу. Заканчивай с сантехникой, а я пока приготовлю суп на вечер.

О, как он на меня глядит. Вот вам семейная жизнь в картинках. Мне дико захотелось остановиться и подумать, хочу ли я этого прямо сейчас.

Обнаружив, что в доме нет хлеба, я радостно бросаюсь одеваться. Забывая, о своем твёрдом намерении, не покидать квартиру в ближайшие дни.

– Ты куда? – ловит меня Серёга у самых дверей.

- За хлебом, я быстренько.
- Надо было утром купить.
- Я никуда ещё не ходила.
- Как можно, чтобы в доме не было хлеба...

Я хватаю шляпу, выбегаю из квартиры, плащ застёгиваю на ходу. Уже в лифте вспоминаю, что синяк ещё не прошёл. Хочу вернуться, но представляю себе возмущение Серёги, и глубже надвигаю на глаза шляпу. Только бы никого не встретить!

Бреду по улице, задумавшись, вижу только мокрый асфальт и острые носы сапог. Первые жёлтые листья, лужи, толстых голубей, шустрых воробьев. Иду и не знаю, чего хочу. Жить одна не хочу, надоело – тоскливо и однообразно, но и делить свою свободу на двоих – ругаться, мириться, стучаться лбами каждый день, ой, не надо! Наверное, мне рано заводить семейную жизнь. Или дело в Серёге? Он же бывает таким ласковым, заботливым и... и занудным. Будет свои порядки наводить, носки везде раскидывать, ему надо готовить вовремя, котлеты, пельмени. Футбол вместо хорошего фильма смотреть. Да ещё...

Я во что-то упираюсь и останавливаюсь, упорно хочу сдвинуть преграду.

- Девушка.
- Ну что ещё? – бурчу я, глядя в асфальт.
- Девушка, – в голосе слышна улыбка.

Я поднимаю глаза, чёрный кожаный плащ прямо у носа, задираю голову. Сердце заколотилось и замерло. Откуда он здесь? Мой питерский незнакомец. Так не бывает!

– Извините, что прервал ваши мысли, но столкновение было неизбежно, – говорит тот самый голос.

И, правда, мы столкнулись на узком переходе между двумя огромными лужами. Я стою, как дура, не знаю, что сказать. Только смотрю на него во все глаза. Он улыбается.

- Может, тогда уж познакомимся?
- Да, – выдохнула я.
- Александр.

– Знаю, – чуть не ляпнула я, вспомнив, как в электричке к нему обращались друзья, – а я Лиза.

- У вас чудесное имя. Вы спешите?

И тут я вспоминаю про синяк. Я уже готова сказать «спешу», мне становится плохо, очень плохо. Это он, а я! Что он подумает!

- Да, я спешу!
- Жаль, а можно вам позвонить?
- Да, – сияю я.
- А номер?

Он смотрит насмешливо, значит, заметил синяк. Я торопливо называю телефон, он обещает запомнить, а я так хочу, чтобы он записал. Ведь забудет же!

Мы ещё потолклись на пяточке и разошлись, я вспоминаю, что спешу, и бегу. Несусь по лужам и ругаю себя последними словами. Выдыхаюсь, перехожу на шаг, площадная брань кончается. Остается тупое негодование. Ворчание незаметно сложилось в стишок:

До чего же я умна, просто загляденье,
И под глазом светится синее виденье,
И мужчинам нравиться просто мастерица,
В эдакое чучело как же не влюбиться?!

Глава третья ЧАС ОТ ЧАСУ НЕ ЛЕГЧЕ

Все врут, что самое худшее ждать и догонять. Когда за кем-то бежишь, ты действуешь, нет ни секунды на тоску и панику. Ждать – вот что самое отвратительное. Я завидую тем, кто умеет ждать. А я не могу отвлекаться от этого занятия, ни на минуту: сижу – жду, мою посуду – жду, читаю – жду. Сплю – тоже жду. Я жду звонка!

Ведь знаю же, знаю, что не позвонит. И всё равно – смотрю на телефон, как на икону. Он и не собирался запомнить мой номер, а я дура, дура. Решительно заставляю не думать о вчерашней встрече.

Время идёт, и вот уже смотрю в окно электрички, мимо несутся жёлтые берёзки, угрюмые потемневшие ёлки. На коленях стоит корзинка с грибами, остро пахнет осенним лесом, электричка шумит весело, ехать ещё долго. Серёга сидит рядом, уткнувшись в газетку, зря в электричке торгуют газетами, поговорить не с кем, все читают. От нечего делать разглядываю пассажиров: напротив седой старичок в серой кепке, тоже с грибами. У входа огромная тётка в красном пуховике. Как ей не жарко? Трое мальчишек сидят, повалившись друг на друга. А эту женщину я знаю, только откуда? Такие крупные черты лица, глаза светлые. Кто же она такая? Жанна! Точно, это же Жанна из моего сна. Нет, выглядит она совсем иначе, но я совершенно уверена, что это она. Стоп, стоп. Это что же получается? Во сне, в XVII веке та же самая тётка, что здесь в электричке?

Выходит, она мне снилась, только совсем другая: темноволосая, смуглая. Сама-то я во сне вообще мужчина. Нет, от таких рассуждений совсем спянуть можно. Я перевожу взгляд на спящих мальчишек, устраиваюсь на плече Серёги, закрываю глаза...

Телегу нещадно трясло, большие колёса гремели по мостовой, старая кляча вяло махала из стороны в сторону драным хвостом, шла неровно, дёргала телегу. Рассвет едва занимался, ещё не освещал узкие улицы. Пахло сыростью, первый морозец ползал по коже. Я жалась, дрожа от холода и страха на маленькой кучке соломы. Тонкая изорванная рубашка не спасала от пронизывающего ветра. Меня, как настоящую ведьму, везли греться на костре. Над ухом кто-то басил самоуверенно:

– Охрана так уверена, что после пытки я уже не сбегу, даже не связали! А зря, герцог больше пугал, чем мучил, а клеймо мне не помешает.

Монахи шествовали рядом с пудовыми свечами.

– Отпевают, гады, козлиными голосами мою бессмертную душу. Боятся не успеть. Смотри-ка, палач вышагивает впереди, сволочь, важный и жирный, ручищи в бока упёр. И подмастерье здесь же, ещё жирней хозяина. Чтоб они оба сдохли!

С трудом подняла тяжёлую голову, я так замёрзла, что зуб на зуб не попадал, посмотрела на говорившего. Молодой здоровенный детина, похожий на крестьянина, чесал пятернёй копну спутанных волос, хитро поглядывал по сторонам.

– До площади ещё далеко, успею нырнуть в тёмный переулок, главное выбрать время.

Здоровяк окинул меня критическим взглядом, как товар на рынке. И хмыкнул разочарованно:

– Худая как мощи, смотреть не на что. Другая в одной рубашке выглядела бы аппетитнее, а ты синий кузнечик. Глаза от страха больше рта. А вот если тебя откормить, переодеть, то я бы... да-а, если меня сожгут, то за похоть...

Неожиданно палач споткнулся и растянулся прямо перед клячей. Лошадь шарахнулась, телега накренилась, монахи пороняли свечи.

– Ой, мамочка!

– Пора! По-ра...

– Лиза, Лиз, проснись, приехали.

Ну, зачем, зачем на самом интересном месте? Хоть бы узнать сбежал ли он... и я или нет?

Серёга тормозит меня и твердит, что приехали. Я неохотно стряхиваю с себя сон. Здорово, всё-таки почувствовать себя в чужой шкуре. Судя по всему, той ведьмочке не больше пятнадцати лет.

– Пошли, пошли к дверям, – суетится Серёга.

– Подожди, пусть люди выйдут.

Я сладко потягиваюсь, не спеша застёгиваю куртку, ищу глазами женщину, которую приняла за Жанну. Наверное, из-за неё мне и приснился сон про... про всё это. В XVII веке ведьм на кострах уже не жгли или жгли? Я так загрузилась этим размышлением, что едва не навернулась со ступенек. Грибы раскатились по асфальту.

– Лиза! Что ты делаешь?! – завопил Серёга.

Паникёр несчастный! Сажусь на корточки подбирать опять. Серёга что-то возмущённо бубнит, лучше бы помог. А я всё думаю про свои странные сны, откуда они взялись? Романы исторические не читаю, фильмы не смотрю – взрослые люди рядятся в смешные кружева и банты, машут оружием, чушь собачья! И вдруг такое, главное – всё про меня. Столько деталей, подробностей! Откуда? Всё, что ещё помню из школьной программы, а там-то уж точно не было ничего подобного. Ну, откуда все эти фехтовальные приемы...

– Лиз, о чём ты так задумалась, очнись!

Опять Серёга, мы уже пилим в троллейбусе, надо же, совсем дороги не заметила.

– Лиза, ты меня слушаешь?

– Да, да, конечно.

– Так вот, я говорю, чего тянуть, давно пора покупать.

– Пожалуй, – бормочу я, совсем не понимая о чём речь.

– Нет, ты скажи, разве я не прав? – наседает Сергей.

– Прав, конечно.

– Не увиливай, я тебя знаю. Наверняка, ты против, просто спорить не хочешь. А потом скажешь, что так и знала. Выкладывай свои аргументы.

– Потом, дома.

– Не тяни резину в долгий ящик. Говори.

На моё счастье, на другом конце троллейбуса освобождается место. Я бросаюсь туда. Серёга отстаёт и опять уходит в свои подсчёты. Хмурится, шевелит губами. Интересно всё-таки, что он там придумал. Ладно, дома спрошу. Отворачиваюсь к окну, на стекле капельки дождя. Мимо ползут хмурые дома, облетающие берёзки, зонты, темнеет, что-то скрипит, совсем как телега во сне. И что этот странный сон может значить? А прошлый? Если разбирать по Фрейду, то... чёрт его знает! Там я мужчина. Это что, подсознательное желание быть мужиком или изощрённый сексуальный изврат? Боже упаси! Бриться в жару и холод, ходить в брюках и ещё эти глупые галстуки! А лысины! Нет, что хорошо во сне, наяву невыносимо. Дурак этот Фрейд!

Стоявшая рядом женщина смотрит на меня и пятится. Да, представляю, какую рожу я сквасила от таких мыслей. Моя остановка. Делаю лицо попроще и пробираюсь к выходу. У самых дверей огромная грязная лужа. Шагаю осторожненько, Серёга хватает меня за руку, тащит куда-то.

– Быстрее, закроется!

– Что закроется?

– Банк! Ну, чем ты слушала?!

Я решительно торможу.

– В банк сейчас не пойду, ни за что!

– Нет, надо сейчас, пока не закрылся, час остался.

– Не пойду!

Я надуваю губы, а Серёга смотрит на меня как на невероятного синего зайца с рогами.

– Почему?!

– В этот новый банк не пойду, там все такие крутые, а я не одета.

– То есть?

– В джинсах, старой куртке, сапогах, с грибами, грязная. И вообще, я не накрашена! Пойдём завтра!

– Завтра суббота! – вопит Серёга так, будто суббота конец света.

– Тогда в понедельник, – я никак не понимаю причину его истерики.

– Ждать ещё неделю!

– Всего два дня!

– О боже! Я же тебе объяснял, автомобильный рынок работает только в выходные.

– Так ты решил купить машину, – начинаю понимать я.

– Я тебе уже битый час об этом твержу. С тобой говорить невозможно! Сейчас сниму деньги, а завтра – на рынок.

– Иди куда хочешь, а я домой! Я устала и выгляжу как бомж. Самое время шастать по крутым банкам.

– Ну, хоть на улице подожди!

Я уступаю, и консенсус найден. Мы несёмся к банку. К центральному входу ведёт тенистая аллея, вся засыпанная жёлтыми листьями. Хорошо, что строители оставили деревья на месте.

– Я тебя тут подожду, листьями пошуршу.

– В лесу не нашуршалась? Ладно, я быстро.

– Стой, грибы оставь. У тебя хоть паспорт с собой?

– Все документы здесь, – он с важностью похлопал себя по карману и побежал к мраморной лестнице.

Я осталась с двумя огромными вёдрами, резко пахнущими лесной сыростью. Ждать совсем не хочу! Хочу домой – раздеться, помыться и плюхнуться у телика. Вот-вот начнётся классный боевик. Все нормальные люди уже на своих диванах, пьют чаёк, на улице только я одна, как дура. Нет, смотри-ка, ещё двое парней заходят в банк, неужели тоже спешат завтра на авторынок? И чего Серёге так приспичило покупать машину? У него и родительских денег-то хватит только на развалюху, купит крутой запорожец и будет страшно гордиться. При нынешних ценах на бензин, дай бог, выберемся разок на шашлыки, а потом будем только мыть машину и ремонтировать.

Настроение моё портится с каждой минутой. Я мёрзну и злюсь. Ну, сколько можно?! Вон парни уже вышли, стоят курят. Круто, я стою за кустом, наблюдаю, а они меня и не видят. Только Серёга-то куда провалился! Собираю последние остатки терпения, прыгаю, чтобы согреться, мысли мои письменно передать можно только многоточиями и восклицательными знаками. Вспоминаю то родителей, то отдельные части тела. Наконец-то Серёга выплывает из дверей с идиотской улыбкой. Так и светится, человек-прожектор. Неспешно спускается, вышагивает важно, как гусь! Парни сразу двинулись к нему, чего ещё?

– Пистолет, честное слово, у одного из парней пистолет!

В меня чёрт вселяется, я пулей вылетаю из-за укрытия, несусь к ним. Я точно знаю, что сильнее их. Успеваю заметить удивлённые рожи. Хватаю парня за запястье, выкручиваю руку, пистолет падает, пинаю его в траву. Парень наклоняется за ним, я с размаху ребром ладони бью по бритому затылку, грабитель падает. Второй худой, длинноволосый, замахивается, я нагибаюсь, он опять замахивается, я не ставлю блока, продлеваю его движение и отступаю, он грохается мордой вниз, воеет что-

то про мою мать. Я оборачиваюсь к Серёге, таким обалдевшим мне ещё не приходилось его видеть.

– Бежим, быстро!

Он торчит, как фонарный столб.

– Надо милицию, – мямлит мой храбрец жалостно.

– Не советую, – слышу я уверенный зычный голос.

Охранник из банка, весь закомуфляженный, как спецназовец, вальяжно прислонившись к зеркальной двери, нагло смотрит на меня.

– А ты ничего!

Один побитый соскребаёт себя с асфальта. Я хватаю Серёгу за руку и тащу к нашим вёдрам. А вёдер-то и нет! Уже спёр какой-то паразит!

Глава четвертая ЧУДЕСА, ДА И ТОЛЬКО!

До самой квартиры я шагаю крайне решительно, думаю только об украденных грибах. Переступаю порог, и коленки сразу подгибаются, я плавненько сажусь на пол. Вся дрожу мелкой дрожью и слова сказать не могу.

– Лиза, что с тобой?

Я молчу, Сергей стаскивает с меня грязные сапоги, сгребает меня в охапку и тащит на диван, устраивает удобно, садится рядом.

– Успокойся, тише, тише, всё уже кончилось!

Я утыкаюсь в него, как в подушку, и громко рыдаю. Правая рука сильно ноет, я прижимаю её ладошкой к груди и крепко держу второй рукой, будто потерю.

– Лизонька, Лиза!

Серёга гладит меня по голове, а я от этого ещё больше реву. Мне так страшно – просто ужас. Он суёт мне свой огромный носовой платок, спрашивает тихо:

– Пить хочешь?

Я киваю, икаю как в детстве, вытираю мокрые щёки, сморкаюсь и всхлипываю. Серёга возвращается с водой. На его куртке тёмное пятно от моих слёз. Я хватаюсь за стакан обеими руками, жадно пью, успокаиваюсь. Мой успокоитель стягивает с меня куртку, спрашивает участливо:

– Чего ж ты теперь рыдаешь? Возле банка вела себя как Рембо, а теперь раскисла.

– Я не знаю... как я всё это...

– Ты где русскому стилю училась?

– Я никогда ничему не училась. Я только балетом в детстве занималась.

– И там такому учат?! – Сергей даже сел.

– Нет, я... не знаю... я... я была сама не своя...

– Как будто не в себе? – подсказывает Сергей.

– Нет, наоборот, больше в себе, чем всегда. Я как будто освободилась или проснулась, как будто так и должно быть. Теперь я замерзаю, так всегда после слёз. – Я тяну на себя плед, кутаюсь, поджимаю ноги.

– Так ты не умеешь драться? – всё не верит Серёга.

– Совсем, совсем... – мотаю я головой.

– А этот приём с пистолетом?

Меня даже передёрнуло.

– Я страшно боюсь оружия. Я вся цепенею от страха.

– Ну, ну, я видел.

– Нет, правда, ты же сам знаешь, какая я трусиха.

– Знал, до сегодняшнего дня.

– Я сама не знаю, что это было!

– Боевиков насмотрелась, – решает Серёга, – вообразила себя Чаком Норисом.

– Мне кажется, всё было совсем не так, – пытаюсь объяснить я, – я ничего не воображала... я была сама собой, но ничего не боялась... знала свою силу... как в том первом странном сне, помнишь, я тебе рассказывала?

– Во сне тебя прибили!

– Но, пока не прибили, я чувствовала себя такой свободной. Тело само знало, что делать.

– Это называться память тела, – авторитетно заявляет Серёга, – только откуда оно у тебя такое помнит?

– Представления не имею, – пожимаю плечами я.

– Чертовщина, какая-то!

Вот сижу и не верю, что это было со мной на самом деле. Правда, чертовщина какая-то, и есть так хочется!

– Омлет будешь? – Серёга будто мысли читает.

Я радостно киваю. Омлет я не люблю, но такой вкуснятины я ещё не пробовала. Правду говорят, что голод – лучшая приправа. Смотрю, как мой сожигатель моет посуду, и плющусь от нежности. До чего же Серёга бывает хорошим, жаль, редко!

– Серый, я тебя люблю!

За это заявление я получаю такое море нежности и ласки, что едва не тону. Утро субботы я не забуду ещё долго. Давно мои глаза так не увеличивались от удивления. Пробуждаюсь, как Белоснежка, от поцелуя. Лежу, боюсь открыть глаза. Серёга тихонько шепчет мне на ушко:

– Засоня, вставай!

Я потягиваюсь, жмурюсь, растягиваю удовольствие.

– Завтрак подан!

– Что? – разом просыпаюсь я.

На тумбочке у кровати красуется поднос с аппетитными бутербродами и одуряюще пахнущий кофе.

– С молоком, как ты любишь, – хитро улыбается Серёга.

– Откуда вдруг такая красота?

– Из леса вестимо!

Я усаживаюсь, сую подушку за спину, беру поднос, набрасываюсь на бутерброды.

– Ветчина! Обожаю!

Уплетаю за обе щёки, но всё-таки не выдерживаю, спрашиваю с набитым ртом:

– В честь чего ты такой замечательный?

– Так, захотелось, – пожимает Серёга плечами, – суббота, день хороший.

– А-а, это ты после вчерашнего, испугался, что я дерусь?

– Причём тут это?! Это случайность... просто... ты вчера так плакала, а сегодня будешь только улыбаться! Я обещаю!

– Обещаешь? – я недоверчиво шурюсь.

Обжигаюсь кофе, но так нестерпимо хочется улыбаться. Смотрю на будильник.

– Ого, уже полдвенадцатого! И каков наш план действий на субботу?

Серёга притворяется обиженным.

– Ты забыла?

– А, «Мерседес», – вспоминаю я, идея покупки машины уже не кажется мне такой глупой. И тут Серёга меня снова удивляет:

– Знаешь, я, конечно, в машинах разбираюсь и в мастерской год работал, но всё равно, как-то побаиваюсь покупать сам, такие деньжищи! Куплю ещё какую-нибудь дрянь! Короче, пошли со мной, тебе тоже в ней ездить.

– А что мне там делать? – протестую я.

– Пошли!

– Там же скукотища!

– Но там есть такие тачки, – горестно вздыхает Серёга.

Я соглашаюсь, может быть, и правда там есть на что посмотреть. Я весело собираюсь, крашусь, и мы едем. На одном автобусе, другом, третьем. По мере удаления от центра транспорт всё страшнее. Начинили мы с новенького блестящего немецкого автобуса, теперь трясёмся на куче ржавого металлолома. Нюхаем бензин, слушаем скрип и скрежет. Меня качивает, я молчу и медленно зеленею. Мой спутник смотрит виновато.

Наконец-то, полуживая, я выползаю на твёрдую землю, ноги подкашиваются, готова опуститься прямо на грязь. К счастью, мне подвернулась шаткая скамейка. Сажусь, дышу изо всех сил. Кругом лежат распаханные поля и торчат жидкие деревца.

– Где же твой рынок? – спрашиваю я с неприязнью.

– За твоей спиной холмик, мы его обогнём и всё! Там кофешки, шашлыки, потом перекусим, отдохнём!

Мой желудок ломанул наружу, но вернулся на место.

– Фу-у, можешь ты помолчать пять минут?!

Вот он – мужской рай и ад! Как у них горят глаза при виде этих вонючих железок. Грудь колесом, походка величавая, вид победный. Друг на друга смотрят свысока, беседуют степенно, со знанием дела.

На мой взгляд, мы зашли не туда. Со всех сторон сверкают и переливаются на солнце громадные новенькие джипы, скалятся радиаторы, машины пучат квадратные фары. Серёга смотрит на этот парад тяжёлой

техники счастливо и растеряно, как ребёнок в магазине игрушек. Бедный мой Серёга, всех его сбережений хватит разве что на одно колесо такого монстра. Он даже спрашивает цену одного тёмно-синего джипа. Хозяин топорщит пальцы, выпячивает пузо и загибает такую цену, что мне и представить страшно. Глаза Серёги гаснут, плечи поникают, шаркающей стариковской походкой тащится он дальше. Я за ним иду тихонько, боюсь напомнить о себе. Ну, чего расстроился, дурак?! Ведь сразу знал, что такая машина ему не по карману. Идёт, чуть не плачет, как маленький мальчик, что луну не достал. Справа, слева уже не хищные джипы, а респектабельные мерсы и форды, только ройс-ройсов не хватает. И серебристые, и ярко-красные, большие и спортивно плоские, ослепительно белые и мутно-фиолетовые, то с четырьмя дверцами, то с двумя. Серёга уже и не смотрит, а я наоборот кручу головой. А где же спрячутся недорогие, старенькие, битые, вполне пригодные, которые покупают не для понтов, а для дела?

Ряд кончается, мы поворачиваем, и тут Серёга бросается вперёд, как барс на добычу. Я ничего не понимаю, смотрю на него с тупым видом:

– Ты куда?

– Лиза, Лиз, это же она! – кричит Серёга, не оборачиваясь.

– Кто?

Я начинаю искать среди продавцов и покупателей знакомую женщину, но тщетно! Женщин вокруг не больше, чем розовых слонов. Несусь за Серёгой. В этом ряду сразу видно, что машины здесь значительно дешевле и народу гораздо больше. Толпятся, толкаются, прут напролом с какими-то немислимыми железками. Серёга пропадает из вида за каким-то толстяком. Куда он рванул? И что за антилопа гну его так привлекла? Наконец я обнаруживаю Серёгу. Он уже расплывается. Вот это скорость! Смотрю, за что он платит, и... и глаза лезут из орбит. Он с ума сошёл! Лучше бы трактор купил! А он оборачивается счастливый, хватая меня за руку.

– Смотри, смотри, это же форд 1945 года!

– Он что, коллекционный? – спрашиваю я растерянно.

– Нет, серийный, таких сохранилось много, коллекционеры такие не берут. Тут ещё вмятина, короче мне уступили за полцены!

– Ты отдал все деньги?

– Должен ещё пару тысяч, займу у Лёхи.

– Эта рухлядь дороже хорошего «москвича»? – возмущаюсь я.

– Конечно! – радуется Серега. – Мне страшно повезло!

– Она хотя бы ездит? – не верю я.

– Да, представляешь, простояла больше двадцати лет в гараже и всё ещё на ходу!

Я морщу лоб, считаю возраст консервной банки.

– Ей же скоро шестьдесят!

– Ага, – констатирует Серёга восторженно.

– Боже мой, – вздыхаю я, грустно рассматриваю машину.

Чёрный форд, точно как автомобили в фильме про Штирлица. Двери открываются шиворот-навыворот, стекла мутные, в боку вмятина, салон ужасный, воняет бензином и ещё какой-то гадостью. Я готова возмущаться, но обо мне уже забыли. Серёга, влюблённо глядя на невзрачного старичка, азартно, как футбол, обсуждает с ним запчасти: свечи, карбюратор, коробка передач, стартер, тросики, поршни, колодки. Аккумулятор, подвеска, стойки, выхлопная труба и бензобак...

Я смертельно заскучала. Отошла в сторонку, рассеяно смотрю на толпящихся мужиков со всякими странными железяками и старательно гашу раздражение. Чтобы рассмешить себя представляю, как один мужик с размаху надевает другому на шею сразу две покрышки. Сверху ещё одну, а вон, вон тот пузатый тужится и сдувает огромную кепку с грузина, тот обижается и давай тыкать толстой ржавой трубой ему в пузо. А мужик в костюме хватает некрашеное автомобильное крыло и долбит им всех подряд...

Щиты разлетались вдребезги, палицы¹ и секиры² крушили шлемы и кирасы³. Мечи сверкали на солнце, как молнии, рассекали всадников до седла, кони дико ржали, сталкивались в страшной тесноте. Стрелы летели как стаи пчёл, их нектар – смерть. Грохот, скрежет, крики, стоны, хрипы. На белых плащах алая кровь и грязь. Кресты христиан и полумесяцы мусульман – всё смешалось! Небо закрыли знамена и проклятья...

– Лиза, ты чего?

– А...

– У тебя такое лицо, будто ты на войне!

– Я и была...

– Где? О чём ты?

Смотрю на Серёгу, вокруг себя, стою там же, кругом народ мирно толчется. Ощущение такое, что не была здесь очень давно. Где-то там, где я была только что, провела всю жизнь. Надо же, я видела всё как наяву, даже ярче. Там и пахло не бензином, а как-то страшно – смертью, войной.

– Не впадай в транс, ждать уже недолго. Осталось часть документов переоформить. Это можно сделать здесь же, рядышком, остальное в ГАИ позже.

Серёга тащит меня за руку, я покорно плетусь следом, совершенно оглушённая. Дожилась, наяву брежу. Понимаю ещё сны смотреть, но так...

Сажу на скамейке, жду Серёгу. Хочу есть, пить и спать. Хочу домой! Ну, сколько можно?! Серёга подбегает злой, взъерошенный.

– Лизок, дело затягивается ещё на часика полтора, может, пока посидишь в кафе, поешь чего-нибудь?

Я решительно встаю со скамейки:

---

¹палицы – дубины с металлическими наконечниками.

²секиры – большие топоры на металлической рукояти.

³кирасы – часть рыцарского доспеха, защищающая грудь и спину.

– Раз так, я отправляюсь домой, поесть приготовлю. Борщ будешь?

Серёга с неохотой меня отпускает, и я тороплюсь на остановку. На удивление недолго жду маленький, вонючий автобусик. Трясусь в нём, пересеживаюсь, зеленею, матерю транспорт. Но всё-таки добираюсь с грехом пополам домой. И первым делом – к телефону. На автоответчике тишина! Когда, когда он позвонит? Да, ну что ж, вздыхаю, мой замечательный Александр давно забыл мой номер!

Серёга вернулся больше чем через три часа. Когда у меня уже был готов суп и даже компот. Я уже перестала переживать, что вместо мягкого сиденья новенькой машины, меня обратно привезли, мяли и трясли садисты-автобусы. Я успела отдохнуть и успокоиться. Серёга усталый, но счастливый наворачивает борщ.

– Суп замечательный, ты классно готовишь!

– Это ты говоришь? – я не верю своим ушам.

– Я.

– Повтори.

– Ты классно готовишь.

– Ещё, ещё, – смеюсь я.

– Ещё здорово печёшь, стираешь, вяжешь, – стал загибать пальцы Серёга, – ещё эротично моешь пол.

Я притворно отворачиваюсь, Серёга крадётся, обнимает сзади и шепчет на ухо:

– И любовница самая лучшая!

Вы целовались когда-нибудь с бензовозом? О, бездна ощущений! Только нос лучше зажать.

– В ванну, быстро!

Серёга мчится галопом в ванну, выглядывает из-за двери:

– А тебе белый очень пойдёт!

– Это ты о чём? – настораживаюсь я.

Мой сожитель опять выглядывает, но переводит тему:

– Знаешь, почему я эту машину купил? Потому что она моя!

– В смысле?

– Вот ты вчера вспомнила каратэ, а я сегодня – свою машину. Это я её разбил, только-только из Берна выехал – и в столб. Дурак пьяный! Хорошо машину развернуло боком, я только ногу сломал.

– Когда? – тупо спрашиваю я.

– Году так... в 48.

– Сколько же тебе было?

– Лет сорок. Реинкарнация.

И дверь закрывается. Я загружаюсь, выходит не я одна такая странная. Неужели каждый помнит, что-нибудь эдакое?! Но Серёга опять не даёт додумать:

– Лиз, выходи за меня замуж, – доносится из-за двери, и тут же неистово начинает шуметь вода.

Я, будто громом поражённая, дохожу до зала, опускаюсь на диван. Вот уж чего от него не ожидала! Так он хочет со мной всю жизнь прожить, а я всё время думаю о другом. Придумала себе великую любовь. Серёжка вот он, живой и веселый, а тот, мистический герой, где? От телефонного звонка вздрагиваю всем телом. Хватаю трубку.

– Алло?

– Добрый вечер, это Александр...

Глава пятая СХОЖУ С УМА

Честное слово, хотела всё спокойно обдумать ещё вечером, но я так устала от чудес этого дня, что думать совсем не могла. Да и Серёга мешал изо всех сил.

Просыпаюсь медленно-медленно. Воскресенье – святой день. Тянусь, ленюсь, только бы не открывать глаза. Свидание назначено на семь вечера, вот тогда и начну беспокоиться и выбирать. Щёки гладит мягкое осеннее солнышко, хорошо! Телефон заходится в истерику, раздирает мой ленивый рай. У-у, гады!

Серёга тычет трубку под ухо:

– Это тебя, Маринка.

Я морщусь. Маринка работает в милиции, вырабатывает командный голос, вечно звонит не вовремя.

– Лизка, где вы вчера были? Я звонила весь день, где вас черти носят?

– Что у тебя случилось? – сонно спрашиваю я.

– Это у тебя случилось! Ты в розыске!

– Что?! – резко сажусь на кровати, сна как не бывало.

– Проходишь по делу, как подозреваемая в убийстве. Ордер на арест пока не выдали, но думаю, скоро будет.

Она сыплет терминами, я ничего не понимаю, трубка в руке дрожит.

– Я никого не...

– Спокойно, ты где была шестнадцатого в девятнадцать часов пятнадцать минут – у отделения 172596 по 50 лет Октября?

– Что? Когда?

– Позавчера, перед самым закрытием была в Бизнесбанке напротив твоего дома?

– Да, но я...

– Спокойно, драка была?

– Да, но...

– Так, свидетель видел, как ты убила парня. Как было дело?

Я могу только нечленораздельно мычать.

– Соберись, – командует Маринка. – Утром на ступенях банка нашли труп со следами побоев. Камера работала на наблюдение, записи нет, но охранник подробно тебя описал. Компьютер – сволочь, сразу выдал имя и адрес, тут теперь про всех есть. Вспоминай!

– Я... я видела, как они оба встали и пошли, и Серёга видел.

– Оба? Серёга видел? Хорошо! Результатов экспертизы ещё нет. Вечно тянут! Дай бог, этот урод умер не от твоих ударов. Но пока всё не выяснится, тебя могут продержат в обезьяннике.

Я становлюсь холодной, как покойник, язык не слушается, звуки доносятся словно издалека:

– Лиза, слушай внимательно! – говорит Марина спокойно и уверенно.

– Тебе надо исчезнуть хотя бы на пару дней. Родня, друзья не подходят, сразу проверят. Погоди, есть идея, я перезвоню!

В трубке гудки, в сердце ужас, в теле дрожь. Боже! Боже! Боже! В голове ни единой мысли. Губы сами шепчут молитвы. Господи, спаси! На кого ещё остаётся мне надеяться?! Серёга спрашивает:

– Что случилось?

Ничего не вижу, ничего не слышу, говорить не могу. Сижу, вцепившись в телефон. Господи, господи!

Звонок! Я пугаюсь так, что роняю телефонный аппарат. Серёга держит трубку сам, я еле хриплю:

– Алло.

– Так, слушай, – из трубки доносится командный голос Маринки, – я нашла вариант. Ты слушаешь?

– Да...

– Так. Сейчас бери сумку, кидай туда документы...

– Какие? – тупо стону я.

– Паспорт, полис. Дальше – халат, тапки, белье, зубную щётку, мыло. Что ещё? Деньги возьми, могут пригодиться!

– Зачем это всё?

– Собирайся! Сдам дежурство и через минут сорок заеду.

Опять длинные гудки. Не думая, не чувствуя, мечусь по квартире, собираю вещи. Серёга ходит за мной хвостом.

– Что происходит, Лиза?

Я объясняю чужим голосом, бестолково смотрю на пакет с попугаями, что ещё взять с собой?

– Лиз, всё образуется, мы же видели, что он жив! Экспертиза всё докажет! Только надо переждать пару дней. Я с тобой.

Он обнимает меня, я утыкаюсь ему в плечо, и плачу, но... звонок в дверь. Я готова со страху лезть под кровать или прыгать в окно. А Серёга уже открывает дверь, Маринка, слава богу!

– Так, ты готова? Собралась? Почему всё ещё в ночнухе? Одевайся, быстро!

Я открываю шкаф, она отодвигает меня, сама быстро выбирает вещи, кидает их мне, командует Серёгой.

– Да, нужен комплект постельного белья, положи. Расчёску взяли, нет? Клади, зеркало тоже. Лиз, быстрее, шевелись!

Уже в машине спрашиваю:

– Куда мы едем?

– В больницу, я договорилась со своей тёткой, пересидишь в её отделении.

– Найдут!

– Там и искать не станут, – странно улыбается она.

Я возмущённо смотрю на неё. Нашла время шутить. Ещё года не проработала в милиции, а уже так изменилась – говорит резко, командным голосом. Одевается строго и скучно, волосы обстригла, лицо сразу заострилось. Не девушка, а служебный рапорт.

«Куда это мы едем? Загород? Зачем?» Мимо мелькают тополя, я никогда здесь не была.

Маринка сворачивает влево, на разъезженную, грязную, без асфальта дорогу.

– Всё, почти приехали!

Действительно – всё! Впереди только пустырь, грязь, кусты и руины пятиэтажки. Здание, потемневшее от времени, с отвалившейся штукатуркой, разбитые ступени крыльца, рыжие от ржавчины двери, мутные окна за жуткими решётками.

– Что это?

Ужас уничтожает во мне все остальные чувства и мысли. Ответ уже не потрясает меня, а добивает окончательно:

– Психушка, – буднично сообщает Марина. – Ты не пугайся, внутри немного приличней. На ремонт всё денег нет. Финансируют в последнюю очередь.

– Главное – чтобы этот кошмар быстрее кончился. Я не собираюсь встречать новое тысячелетие в психушке!

– Не бойсь, до нового года ещё уйма времени. Но вообще-то, лучше быть здесь, чем в тюрьме. Пошли.

Я тащусь за ней. Внутри у меня холодно и пусто, как в морге. Оказалось, «приличней» – это тоже самое, только вымазанное в белый цвет: потолок, стены, решётки, мебель, хмуро-сонные санитарки. Заходим через диспансер. Здесь ещё терпимо, похоже на обычную поликлинику: регистратура, длинный коридор, двери кабинетов, лавочки, хмурые унылые посетители. Марина шагает уверенно, открывает двери, заглядывает, здоровается, тащит меня дальше. Резким жестом указывает мне на лавочку у стены:

– Сядь, подожди.

Она заходит в кабинет и пропадает. Время тянется томительно медленно. Ничего не происходит. Кругом тихо, пусто, страшно. Я с тоской гляжу на оконные решётки. Почему-то их вид особенно угнетает. Ожидание похоже на вязкую головную боль. Недавние шустрые тревожные мысли превращаются в медленное тягучее отупение. Даже лень посмотреть на часы. Какая разница!

Стук двери, Марина подает новую команду:

– За мной, быстро.

Стремительно идём по коридору, поворачиваем за угол. Нас сопровождает костлявая тётка в белом халате. Дорогу перекрывает новая решётка, тётка достаёт из кармана ключ, отпирает железную дверь, мы проходим, и она запирает её. Идём дальше. Опять решётка, снова тот же ритуал с ключом. Меня опять оставляют на скамейке, я покорно жду, наблюдая, как другие тётки, видимо работницы этого чудного места, привычно отпирают и запирают решётки, каждая своим ключом. Марина манит меня на лестницу, молча поднимаемся, преодолеваем ещё одну решётку, подруга указывает на ближайшую дверь.

– Так, заходи, это твоя палата. Твой дом на ближайшие двое суток. – Она подталкивает меня в открытую дверь. – Ну, смелей.

Первое, что я вижу, – частый переплёт порывевших от ржавчины решёток на окне без штор. Стены противно зелёные, шесть коек в ряд.

За спиной хлопает дверь, я резко поворачиваюсь назад, взгляд упирается в облупившуюся краску. Заперли! Замуровали демоны!! Затылком чувствую, что меня разглядывают. Поворот. Прижимаюсь спиной к двери. На меня настороженно глядят четыре пары глаз. Тревожная тишина. Сжимаю зубы. С наглым лицом иду к пустой кровати у стены. Ставлю свой пакет на пол, сажусь на неё и проваливаюсь так, что колени оказываются у самого подбородка. Ничего себе, сетку растянули! Скриплю, устраиваюсь, шуршу пакетом. Глаз не поднимаю. Все молчат. Звук голоса раздаётся внезапно, я так и подскакиваю.

– Тише нельзя?

– Нет! – выпаливаю я неожиданно резко.

На соседней кровати из-под одеяла поднимается лохматая голова, поворачивает ко мне удивлённое лицо.

– Ты новенькая? Тогда понятно. Как зовут?

– Елизавета.

Я стараюсь держаться с достоинством, но чувствую, что выгляжу крайне глупо. Видны только мои тонкие ножки, колени и сразу – голова. Вот тебе и ноги от ушей.

Обладательница лохматой головы оказалась тучной особой с крупными, но довольно красивыми чертами лица и тёмными кудрями.

– Мария, – произносит она, усаживаясь, потом кивает в мою сторону и спрашивает. – Это кто так тебя?

Сразу понимаю, о чём речь. Синяк почти прошёл, и я так надеялась, что его никто не заметит, да видно зря! Я отмахиваюсь, мычу что-то неопределённое. Продолжаем знакомство.

Все молчат. Мария тыкает в них пальцем.

– Ира, Лена, Вера, Пуся.

– Пуся?

– Её все так зовут. Пуся – она и есть Пуся.

Пуся сидит на своей кровати, монотонно гладит рукой по одеялу. Выцветший халат застёгнут не на ту пуговицу. Она маленькая,

коротконогая, с пухлыми ручками, лицо угрюмое, нос картошкой, глазки водянисто-серые, реснички светлые. Точно Пуся.

– Она тихая, – заверяет Мария.

На вид Пуся ещё подросток, но Мария предупреждает:

– Не гляди, что она такая маленькая, ей уже за тридцатник. Самая молодая у нас Верка. Ей всего пятнадцать, из интерната прислали. Там с ней не справляются.

Верка глядит с вызовом. Ничего себе пятнадцать! Девочка-цветочек, борец сумо на отдыхе! Вместо тапочек у кровати – две речные баржи, с сиреневыми бантиками. На зелёном халате ярко-красные громадные цветы. Ногти фиолетовые, губы жирно-оранжевые, светлые волосы коротко острижены. Лежит, жуёт.

А мне бедной всё хуже и хуже! Хочется скулить и лезть под кровать.

– Че уставилась? – мило интересуется Верка.

Я поспешно отвожу глаза.

– Поесть притащила? – спрашивает Мария деловито. – Здесь совсем не кормят, три раза в день разливают по железным мискам какую-то баланду. Приносят прямо в палату, больше всего, эта еда напоминает тюремный паёк.

– Нет, – мямлю я.

– Что же ты, так здесь долго не протянешь.

– Мне не надо долго, – возражаю вяло.

– Теперь уж это не от тебя зависит, – заверяет Мария.

Моя кровать жалобно скрипит, я чувствую себя жалким лягушонком, раздавленным на тропинке.

– Ладно, давай похаваем, – предлагает Мария и заныривает в свою тумбочку.

На белый свет извлекаются печенье, халва, бутерброды с колбасой и сыром и даже стеклянная банка, набитая пельменями. Другие уже тащат сок, хлеб, огурцы. В углу стоит столик, но табуретка только одна, поэтому пиршество устраивается прямо на кровати. Покрывало мгновенно превращается в скатерть-самобранку. Ни тарелок, ни стаканов, дикий пикник на обочине медицины. Все усаживаются на пол вокруг импровизированного стола. Я тоже выбираюсь из своего корыта и присаживаюсь сбоку. Почему-то сразу хочется есть.

– Налетай!

И мы дружно налетаем на бутерброды. И они исчезают, как по мановению волшебной палочки. Следом за ними пропадают огурцы – и солёные, и свежие.

Набитые рты вовсе не мешают общению, даже наоборот. Все принимаются болтать – не очень членораздельно, но весело.

– Я слышала, к буйным новенького привезли, – рассказывает Мария, – он думает, что он – колибри.

– И что, летает? – усмехается Верка.

– Ага, то с беседки сигает, то с дерева. А недавно с крыши детского сада скаканул. И так как птицы штанов не носят, он и прыгнул, в чём мать родила.

– Разбился? – наивно спрашивает детским голоском Пуся.

– Не, тогда бы его не к нам, а в морг отвезли. Этот летун до смерти напугал воспиталку из садика, а дети его обступили и давай рассматривать.

– Зачем? – спрашивает Пуся.

– Никогда голую птичку не видели.

Я едва не давлюсь от смеха.

– За что же его к буйным, он же не дрался! – деловито интересуется Ирина, не переставая жевать.

– Не, не дрался, – смеётся Мария, – он только чуть-чуть поклевал двух ментов и трех санитаров. Рыжий так и светит фингалами.

– Рыжий – это тот громила из мужского отделения?

– Ага.

Я отвлекаюсь от рассказа, ибо с головой ухожу в банку с пельменями. Там осталось уже совсем немного. Скользкие пельмени так и носятся по гладким стенкам, ловко ускользая от нашей единственной вилки. Успокаиваюсь, только словив последний. Облизываю жирный подбородок, запиваю всё яблочным соком. Соседки мои жуют печенье, смеются, сплетничают. Я продолжаю их рассматривать.

Ирина – очень худая, с резкими движениями, длинными руками и тонкими пальцами, острыми ноготками, бледной кожей. Часто щурит глаза и морщит нос, кривит тонкие губы. Лицо у неё длинное, и прямые тёмные волосы это ещё больше подчеркивают. Голос у неё неприятный и смех похож на кашель.

Пуся смеётся очень тихо, а у Маши красивый грудной голос. Она должна хорошо петь.

Лена больше молчит, ей лет сорок-сорок пять. В русых волосах проглядывает седина. Лицо усталое, на лбу морщинки. Причёска ей не идёт – грязный жидкий хвостик.

– Вы слышали, на той неделе ждуг спонсоров. Идиоты! – восклицает Ирина. – Врачи сами здесь с катушек съехали. Кто им сюда что повезёт?

– Сейчас модно телевизоры и видеки дарить, – замечает Маша.

– На кой нам тут видеки?! Лучше бы пожрать привезли. Без мультиков проживем.

– А я бы посмотрела, – вставляет Пуся.

– Телевизор, конечно, здорово, только к нему надо ещё добавить постельное бельё и мебель, – вмешивается Верка. – Нам в приют тоже привезли телик, а туфли только на малышню. Мы с Юлькой одни на двоих носим.

Мария поднимается с пола, выпрямляется, принимает гордую позу.

– Представьте, девчата, набегут сюда молодые неженатые спонсоры, увидят нас и...

– И околеют.

– Не-е, посмотрят и...

– И сбегут.

– Да, нет же, увидят нас и...

– И превратятся в жаб, – не сдаётся Ирина.

– Ну тебя, – надувает губы Маша.

– Нет, нет, почему в жаб? – смеётся Верка. – Почему в жаб – в тараканов. Вон их здесь сколько, видно уже приходили.

Неожиданно дверь распахивается, весь дверной проём занимает громадная фигура в белом халате, женщина так широка, что даже видна не вся. Она громко вздыхает, поворачивается боком и буквально протискивается в палату. За собой тащит тележку, уставленную стаканчиками. Я никогда раньше не видела людей такого размера, разве что в мультиках. Из неё одной можно было бы слепить десяток тёток. Непомерно маленькая голова произносит почти басом:

– Лекарства.

Она оглядывает нас, как удав кроликов.

– Быстро!

Все покорно плетутся к тележке, горстями глотают разноцветные кружочки, запивают из крохотных мензурок. Я сжимаюсь в комочек, не знаю, что делать. Взгляд монстра останавливается на мне. Чувствую себя насекомым.

– Тебе ничего, – произносит она, выталкивает тележку в коридор и, тяжело ступая, уносит себя прочь. Дверь закрывается.

– Что это было? – спрашиваю я мёртвым голосом.

– Санитарка, Алефтина Африкановна.

– В просторечьи – Фрикаделька.

– Это она «фрикаделька»? – не верю я. – Скорее слониха.

– Значит, «слонячья фрикаделька», – смеётся Пуся.

Как же здесь медленно идёт время. Дома день пролетит – и не заметишь, а в больнице час как год. Делать совершенно нечего. Скука смертная! Нечем отвлечься от своих мыслей и страхов. Уж скорее бы всё разрешилось с этим трупом. Когда Маринка всё узнает и заберёт меня из этой клетки?! Решётки угнетают. А вдруг это я его убила? Я же была сама не своя. Нет, нет, не думать об этом! Я не попаду в тюрьму, не попаду! Только не я! От тюрьмы да от сумы не зарекайся! Ой, мамочка!! Не думать, не думать!

Все маются от безделья, пытаются убить время. У Лены карты, раскладывает на подушке пасьянс. Верка смотрит в окно, Пуся в синюю стенку, Маша роется в своей бездонной тумбочке, извлекает потрёпанную книжонку.

– Кто сегодня читает?

– Я вчера за день пол-книги прочитала, – зевает Ирина. – Теперь твоя очередь.

Маша устраивается на кровати с ногами, суёт подушку под спину.

– На какой главе вчера остановились?

– Там закладка.

– Ага, нашла.

Она читает вслух какую-то фантастику. Все слушают со скучными лицами. Другой книжки нет, я мощусь на своей кровати, подушечка у меня совсем маленькая, чувствую спиной холодную стену. Стараюсь вникнуть в смысл повествования. Только бы заткнуть собственные мысли. Но рассказ не очень-то увлекательный. Я тайком наблюдаю за своими новыми соседками. Пытаюсь понять, почему они здесь. Ведь просто так в психушке не лежат. На первый взгляд тётки как тётки. Ну, с Пусей всё понятно. Она так и осталась ребёнком. Только сомневаюсь, что таблетки от этого вылечат. Ирка с Веркой наверное, истерички. А Мария – здоровая, красивая, весёлая. С ней-то что? Так я ничего и не понимаю.

Долгожданный ужин подвергает меня в уныние. Зеленоватая манная каша, тщательно размазанная по тарелке, одно утешение – кусок хлеба с маслом и чай. Хорошо, что мы успели как следует подкрепиться.

Вечером я не нахожу себе места. И всё потому, что вспомнила вчерашний звонок, приятный мужской голос:

– Добрый вечер, это Александр...

Боже мой, это было только вчера! А мне кажется, что сто лет назад, во сне. Ведь мы назначили встречу на семь вечера. На часах пол-восьмого, он, конечно, пришёл, не дождался и ушёл! Подумал, бог знает что! Если звонил домой – ещё хуже! Серёга взял трубку, представляю, что он ему мог наговорить! Так нельзя, нельзя! То помпон, то синяк, то это всё. Ну, всё наперекосяк!

От полноты чувств я уже готова сочинять длинный, печальный стих, но под рукой ни ручки, ни бумаги. Тоска...

Глава шестая ВТОРОЙ ДЕНЬ

Всю ночь я ловлю подушку. Эта зараза оказалась в четыре раза меньше, чем моя наволочка. Она выскакивает из-под головы, будто кусок мыла в ванной. Два раза поднимала её с пола, так как матрас гораздо короче кровати, и она проваливается в дырку между сеткой и спинкой. Где только взяли эту уродскую койку!

Пробуждение отвратительное, всё тело ноет, лежу, вытянувшись как мумия в саркофаге. Глаза открывать не хочется. Кто-то настойчиво требует:

– Вставай, скоро обход.

Со стоном выбираюсь из своей постели. Сразу же вижу «фрикадельку», выползающую за дверь. Мария плещется у умывальника. Ирка воюет с расчёской. Пуся прыгает на кровати.

– Хватит дрыхнуть, – заявляет Верка, натягивая кофту. – Мы уже таблеток нажрались, градусники согрели, не отставай от коллектива.

Я оглядываюсь, все по-прежнему в домашних халатах, тапочках, а мне так хочется натянуть джинсы, я вовсе не чувствую себя дома, но выдвигаться мне не к чему, я же прячусь.

Подтягиваемся к столу, чтобы увидеть ту же прекрасную манку, опять моя еда – чай с бутербродом. Хочу домой!

Пара дней, в моём понимании, это – вчера и сегодня. С самого утра начинаю ждать освобождения. Когда, ну, когда появится Марина?

Часы идут, она всё не появляется. Я теряю терпение. Думаю только об этом, ничем не могу отвлечься. Машка опять читает вслух, от фантастики с души воротит, и как мне раньше могло это нравиться?! Хочу домой!

Похоже, это не только моё настроение. Все какие-то хмурые, неразговорчивые. Машка читает монотонно, Ирка рвёт какие-то бумажки, Верка взяла у Лены карты, гадает, морщится, Пуся обняла подушку, свернулась на кровати калачиком.

Маша захлопывает книгу:

– Всё, надоело, Ирка, читай!

– Сейчас обход.

– Ну и что?

– Меня выпишут.

– С чего ты взяла? – с усмешкой спрашивает Верка.

– Я здесь уже двенадцать дней.

– И что?

– Меня выпишут! – упрямо повторяет Ирка. – Меня дома ждут.

– То-то к тебе никто не ходит.

– Вер, не трогай её, – устало просит Машка.

Я сразу заметила, что она здесь как бы главная. Все её слушаются и не спорят. Верка хмыкает, возвращается к своему гаданию, потом сердито смешивает карты.

– Ну ничего сегодня не выходит!

Ирина пугается её резкого жеста, как заяц, лихорадочно собирает свои бумажки, потом вдруг всё бросает. Белые клочки кружатся в воздухе будто снег.

– Собирай, – советует Маша. – На обход зав. отделением придёт. Опять будет про порядок вещать.

– Не буду, – бубнит Ирка, – меня сейчас выпишут.

– Это вряд ли, – рассуждает Верка. – Психов так быстро не отпускают.

– Я не псих! – опять кричит Ирка, хватая подушку, швыряет в лицо Веры. – Я нормальная, это ты дура! Дура!

На голову обидчицы обрушивается покрывало, одеяло, простыня. Ирка спелёнывает её всю и начинает бить кулаками, коленками, головой. Всё происходит так быстро, что никто не успевает вмешаться, потом все разом бросаются разнимать. Я тоже пытаюсь быть полезной. Маша с Леной вдвоём изо всех сил держат Ирку, я разворачиваю Верку, она хватается ртом воздух, Пуся уже бежит с кружкой воды. Все тяжело дышат как после кросса.

– Дура! – наконец выдавливают Вера.

– А ты больно умная, – отчитывает её Мария. – Зачем её заводишь? Ведь не в первый раз уже. Ещё бы чуть-чуть, и санитары бы прибежали!

– Да нужна она мне, – огрызается Верка.

Ирку трясёт, она смотрит на нас с ненавистью, но вдруг вся сжимается и начинает рыдать, громко, задыхаясь и всхлипывая, как ребёнок. Машка отпускает её, а Лена обнимает по-матерински, гладит по голове, успокаивает. Я смотрю на них, и чувствую, как безумно мне самой хочется, чтобы меня вот так же пожалели. Честное слово, я завидую Ирке.

– Тише, тише, – мягко говорит Лена, голос у неё такой спокойный домашний, – не ссорьтесь. Всех вас скоро выпишут, в этом отделении никто долго не лежит. Все скоро будут дома. Всё, всё, Ирочка, всё хорошо. Верка пошутила, она же знает, какая ты умница и всё правильно поймёшь.

– Меня выпишут? – всхлипывает Ира.

– Конечно, только надо успокоиться, чтобы Ольга Семёновна увидела, что у тебя всё хорошо и могла тебя отпустить. На, выпей водички, – уговаривает она её как ребёнка.

Пуся тащит кружку и для Ирки. Она затихает, дышит ровнее, достаёт из кармана платок, трёт глаза и сморкается, идёт к умывальнику. Мы расслабляемся, Пуся собирает бумажки, Верка перестилает Ирину постель, Лена подходит ко мне, наверно заметила, что я тоже готова разрыдаться.

– Не переживай, в больницах всем как-то страшновато! А здесь тем более – решётки, запоры. Но зав. отделением отличный врач, и человек хороший. С ней всегда можно поговорить.

– Спасибо, – отвечаю я, мне действительно становится легче.

Едва палата обретает прежний вид, к нам заходят сразу три врачихи, удивительно похожих друг на друга в своих белых халатах. Я пытаюсь угадать, которая из них Ольга Семёновна. Они задают вопросы, что-то записывают, уводят Пусю и Веру «поработать в кабинете». На меня никто не обращает внимания. Уже в дверях одна оборачивается:

– Ирина Юрьевна, я, конечно, попрошу заведующую зайти к вам, но она скажет тоже самое.

Дверь закрывается, и с Иркой опять начинает твориться что-то неладное. Её снова трясёт, она хватается за спинку кровати, ожесточённо дёргает её, будто хочет оторвать, зубы стучат, глаза дикие:

– Выпишите меня, выпустите!

Мы опять пытаемся её унять, она дерётся не на шутку. Мне прилетает в глаз, тут ещё кто-то грубо отпихивает меня, я падаю на пол. Два огромных амбала в белом скручивают Ирку, привязывают к кровати, сестра тут же со шприцем. Две минуты – и всё кончено.

– Если ещё такое повторится, переведём к буйным, – обещает сестра, закрывая дверь.

Ирка лежит неподвижно, Лена медленно поднимает меня с пола.

– Не ушиблась?

– Глаз больно, – жалуясь я.

Она вздыхает, мочит полотенце и прижимает к моей дурной голове. Лена, наверное, ровесница моей мамы. Рядом с ней так спокойно. Что она делает в этом безумном месте?

В палату входит пожилая высокая строгая на вид женщина. Смотрит на меня сквозь толстое стекло очков:

– Вы Лиза?

Я энергично киваю. Она продолжает негромко, но твёрдо:

– Я Ольга Семёновна. Марина вам говорила?

Я снова киваю.

– Пойдёмте в мой кабинет.

Я спешу за её быстрыми, решительными шагами. Кабинетик у неё крохотный – стол, да шкаф.

– Подождите минутку, я сейчас, – предупреждает она и уходит.

Я присаживаюсь на жёсткий стул, рассматриваю от нечего делать бумаги, лежащие на столе. Всё в безукоризненном порядке, ничего лишнего. Она быстро возвращается, садится к столу.

– Елизавета, Марина обрисовала мне вашу ситуацию, к сожалению, пока ещё ничего не прояснилось.

– Марина не звонила? – спрашиваю я упавшим голосом.

– Как только что-то будет известно, я сразу вам сообщу.

– А пока ничего?

– Нет. Здесь у вас всё в порядке?

– Да, да, спасибо.

– В палате с соседями проблем нет?

– Нет, нет, всё хорошо. Я даже не понимаю, зачем они здесь.

– У каждого своё, – устало вздыхает Ольга Семёновна, снимает и крутит в пальцах очки.

Внезапно у меня возникает нестерпимое желание рассказать ей обо всех своих злоключениях.

– Вы знаете, у меня здесь такое впечатление, что я тоже немного чокнутая.

– Это почему? – удивляется она.

– Вся эта история с убийством случилось из-за того, что я сама была не своя, не такая... это всё началось с того, что я ударилась головой, – захлебываясь, тороплюсь объяснить я.

– Ударилась сильно?

– Да, упала в ванной, с тех пор со мной творится чёрте что!

Я во всех подробностях рассказываю ей свои сны и видения. С тайной надеждой, что она, как профессионал, развеет мои страхи и объяснит всё просто, материалистично, без мистики. Но что я слышу в ответ от этой строгой деловой женщины?!

– А, реинкарнация.

- Что? – не верю я.
  - Переселение душ, я думаю, падение тут не причём.
  - А эти сны? А наяву?
  - Это нормально. Сейчас очень многие вспоминают отрывки своих воплощений.
  - Воплощений, – повторяю я, пробуя на вкус новое слово, и не верю своим ушам.
  - Случается, что люди во всех подробностях помнят прошлую жизнь, а иногда и не одну.
  - Как это?
  - Уже многие светила психиатрии давно доказали, что под гипнозом человек может вспомнить не только все события детства, но и прошлую смерть, например. Некоторые специалисты рекомендуют этим методом лечить стойкие фобии.
  - Получается, это всё – правда?! Книжки про переселение душ, фильмы, значит, доказали – душа есть?
  - Это даже физики доказали, – просто отвечает зав. отделением.
  - «Значит, я нормальная? И Серёга со своей антикварной машиной тоже».
  - А вы помните что-нибудь? – решаюсь спросить я.
  - Во время первой мировой войны я была пехотинцем. Задохнулась во время газовой атаки.
  - Вам тоже кажется, что вы были мужчиной?
  - Что в этом странного?
  - И вы убивали?
  - Была война.
- Резко и так некстати звенит телефон. Ольга Семёновна берёт трубку, коротко, деловито называет какие-то латинские термины, диагнозы, лекарства. Я сижу, перевариваю всё услышанное. Ничего себе открытие! Она заканчивает разговор, возвращает меня к действительности:
- Елизавета, меня здесь несколько дней не будет. Я лишних людей посвящать не хочу, но вы не волнуйтесь. Как только прояснится с милицией, я сама или Марина вас заберём.
- Легко сказать «не волнуйтесь», я возвращаюсь в палату в полном грузе. А там суета и приготовления: все носятся, прихорашиваются, сдувают пылинки. Только Лена спокойно раскладывает пасьянс, да Ира всё ещё спит.
- Спонсоры изъявили желание посмотреть, как живут больные, – объявляет Мария. – Поскольку в этом дурдоме, мы самые нормальные, то решили показывать нас.
  - Нас?
  - Ну да, сейчас их привезут.
  - Прямо сюда?
  - Да, да не тормози, на расчёсу – расчешись.

Я покорно причёсываюсь. Замечательно! Крутые, богатые дядьки придут посмотреть на меня в дурдоме. А если мы потом встретимся, а если кто-то знакомый?! Нет, пока у меня нет знакомых из большого бизнеса.

Медперсонал тоже суетится, забегают по очереди, осматривают, проверяют, уносятся, «ветром гонимые». Наконец, из другого конца отделения раздаётся радостно:

– Идут!

Из нашего окна видно, как у позорного полуразвалившегося крыльца тормозят навороченные джипы, из них выползают пузатые дядьки. Шустрые ребята в дорогих костюмах достают из машин коробки, передают санитарам. Те тащат их в корпус, лопаюсь от важности. Выскакивают врачи, стараются держаться солидно, но видно сразу, с какой жадной радостью они провожают взглядом каждую коробку.

– Ой, глядите, какой хорошенький, – взвизгивает Верка.

– Кто? Где? – оживляется Мария.

Я тоже невольно присматриваюсь.

– Вон, вон, высокий, чёрненький.

– В синем пиджаке?

– Да нет же, не пузатый. Вон возле красного джипа. Всё, девки, я влюбилась! – Верка мечтательно закатывает глаза.

А я всё не могу никак увидеть, кто её так впечатлил.

– Тот, что достаёт большую коробку, – подсказывает мне Маша. – Вон, пиджак снимает.

– Какие у него плечи! – радуется Вера.

Я, наконец, понимаю о ком это они. Да, фигура у него классная.

– Ну, обернись, – хором требуют Маша и Вера.

Он поворачивается объяснять что-то заведующей, и у меня земля уходит из-под ног. Александр! Саша! Меня охватывает паника. «Он здесь! Здесь! А я... Он меня увидит! Увидит в психушке! Вот вам и свидание! Боже! Что он подумает? Но я же не псих! Как же быть? Как быть?!»

Лена замечает моё состояние.

– Что случилось?

– Я его знаю.

– Кого, красавчика? – подсказывает Верка.

– Да, – выдыхаю я скорбно.

– Так это же здорово! Везёт же людям!

– Что везёт? Он меня узнает!

– Классно!

– Здесь не то место, чтобы встречаться, – напоминает Лена.

Верка никнет, надувает губки. А Маша сразу находится:

– Мы тебя не покажем, будем стоять все кучей, он тебя и не заметит.

– Точно, их много, нас много, авось не разглядит.

– Может, мне лучше спрятаться? – глупо спрашиваю я.

– Куда? В тумбочку? – уточняет Маша.

Я сдаюсь, ждём спонсоров и, как только они заваливают целой толпой, сбиваемся в кучку. Я осторожно выглядываю из-за Машкиного плеча. Вот он мой долгожданный, мой единственный – стоит среди толстых, важных дядек с сотовыми. Только руку протянуть, мне безумно хочется броситься к нему, чтобы защитил от всех напастей. Чтобы посмотрел ласково, и я забыла обо всём, обо всём. Я совсем уже готова шагнуть навстречу, но один особенно важный спонсор лениво поинтересовался:

– Я так понял, здесь не буйные, а опасные у вас есть?

Мой порыв разом гаснет, к моему ужасу Александр поворачивается к нам, мне даже кажется, что он меня видит. Я пытаюсь стать прозрачной, и тут Пуся стягивает общее внимание на себя.

– Это мы-то не буйные?

Она подскакивает к гостям, хватая их за руки и тянет за собой, напевая:

– Встаньте, дети, встаньте в круг, встаньте в круг...

Спонсоры дико таращат глаза.

– Делайте, что она хочет, а то у неё начнётся страшный приступ! – подыгрывает Лена.

Пуся строит спонсоров в круг, они испуганно подчиняются. Через минуту в палате, точно как в фильме про Золушку, кружится хоровод из важных пузатых дядек в малиновых пиджаках. Под весёлое Пусяно пение они даже пытаются притопывать, повторяя её движения. Зрелища уморительней мне видеть ещё не приходилось.

Озадаченные поначалу врачи еле сдерживают смех. Ну, кто мог ожидать такое?!

Лица лихо отплясывающих остаются тревожно-серьёзными, зато Александр, не захваченный хороводом, не выдерживает и хохочет до слёз. Всех зрителей охватывает бурное веселье, Пуся тоже смеётся. Пляски останавливаются, раскрасневшиеся толстяки отдуваются с обиженным видом.

Думаю, спонсоры больше сюда не приедут.

Стою у окна, смотрю, как разворачиваются, уезжают крутые джипы. Видно, не судьба нам быть вместе. Саша, Сашенька... обидно до слёз, и ничего, ничего не изменишь!

Девочки меня жалеют, Машка развлекает разговорами:

– Не грусти, вернёшься домой, всё наладится! А потом расскажешь ему всё, объяснишь! Он поймёт, ну подумаешь, психушка.

– Эх, если бы только это!

– Не грузись, у других и хуже бывает!

– А ты здесь почему? – спрашиваю я, хоть и решила не лезть с вопросами.

– О, это целая история с ведьмами и мистикой.

– Расскажи!

Мы усаживаемся поудобнее, и Маша начинает:

– Всё началось с того, что меня угораздило по уши влюбиться в женатого мужика. И не то чтоб красавец, так себе, но я втрескалась, как

дура! А он-то – сволочь! Нет, чтоб погасить мои страсти, ответил мне полной взаимностью, сбежал от жены, снял квартиру и позвал меня к себе жить. Я чуть не померла от радости. Всё там отмыла, вычистила, обеды, завтраки, ужины. Семейная идиллия, да и только.

– И за это тебя в дурдом? – прерывает её сонный голос Ирки.

– Проснулась, наконец, соня.

– Как себя чувствуешь? – сочувственно спрашивает её Лена.

– Голова трещит.

– Чайку хочешь?

Чаепитие устраиваем как на именины. Спонсорских сладостей ещё на неделю хватит. Пока все жуют, Мария продолжает:

– А потом такое началось! Не вышептать. Жена пошла в наступление. У нас был дрянной замок. И в наше отсутствие она проникла в квартиру, разодрала все мои вещи, истыкала мои фото булавками, сунула вонючую сушёную птичью лапу под подушку. Мы сменили замок. Она подождала дверь. Сняли другую квартиру, выходки прекратились.

– Наверное, её в буйное отделение свезли, – предполагает Ирка.

– Туда ей и дорога, – соглашается Верка.

– Не знаю, что с ней стало, – качает головой Маша, – только нам стало ещё хуже. Семён злой как собака, чувства как корова языком слизала. В доме всё ломается, рвётся, бьётся. Мы ругаемся, мать говорит, что нас сглазили. Я жгу церковные свечи, лью святую воду – не помогает. По ночам спать не могу, задыхаюсь, будто кто-то душил. А если и засну – кошмары снятся.

– Точно сглазили, – авторитетно заявляет Ирка.

– Короче, через неделю такой жизни я поняла, что хочу в дурдом.

– И пошла сама?

– Сама.

– Помогло?

– Ещё как! Сплю как младенец, ем с удовольствием, даже поправляюсь.

– А мне тоже странные сны снятся, – решаюсь признаться я, – из прошлого, будто бы из прошлой жизни.

– Расскажи!

– Да, рассказывать-то нечего, одни обрывки.

– А я вот думаю из таких снов роман написать, – заявляет Маша. – Мне с детства снится одна история.

– Рассказывай, рассказывай, – требуем мы хором.

– Мне гораздо проще прочитать. Уж слишком много времени убила на то, чтобы собрать из обрывков целую историю. У меня получился настоящий рассказ, как из книжки. Сама не ожидала.

– Так он у тебя с собой?

– Да, заканчивала писать уже здесь, – разволновалась Маша. – Ну, так читать?

– Читай, читай скорее!

Глава седьмая МАШИНА ИСТОРИЯ, ИЛИ ЦЫГАНСКОЕ СЧАСТЬЕ

Весна 1242 года. Северная Русь.

Далеко забрёл цыганский табор от родных южных степей. Тесны стали бескрайние степи, не разминуться с дикими племенами, что несутся как пожар – от края до края, стрелами застилая небо, криком пугая птиц. Их кони – ветер, их сабли – кривые молнии. Не понять их чёрной злости мирным цыганам.

Скрываясь от стремительных татарских отрядов, катили кибитки по лесным дорогам. Стеной поднимались деревья-великаны, страшно было молоденькой цыганочке. Ей едва исполнилось шестнадцать, мир был юн и свеж для неё. Её чёрные волосы завивались в тугие колечки, отливали синевой, закрывали шалью хрупкие плечи. Она закуталась в огромный тулуп – и всё равно мёрзла, – закрыла свое смуглое личико большим воротом, только тёмные глаза сверкали из-под длинных ресниц.

Дед задремал, выпустил поводья, усталые кони медленно брели за первой кибиткой по раскисшей дороге. Весна не спешила, снег таял медленно, сугробы едва осели, набухли влагой. Среди тёмных, как ночь, елей голые берёзы торчали как белые обглоданные зимой корешки.

Зарема потянула деда за рукав:

– Скоро мы приедем? Я устала и замерзла, есть хочу!

– Ефим говорил, ещё до заката покажется городишко, – неохотно пробурчал он себе в седую кудрявую бороду.

– А нас там примут? – не отставала Зарема.

– Русичи всех принимают. Да мы и едем не с пустыми руками.

– Чего же мы им дадим?

– Не дадим, а обменяем, – дед назидательно поднял палец. – У южных народов мы выменяли дорогие камни. Русичи любят лалы и крупные яхонты. Они дадут нам пищу и защиту, а за твои песни знойные и мёду нальют.

– Мы и свадьбы у них справлять будем? Здесь так холодно.

– Холодно, да мирно, – дед нахмурился, косматые брови закрыли глаза. – Там, где война, – нет ни обмена, ни торговли. Грабёж, смерть и слёзы. Нам там делать нечего! А тепло скоро и в лес придёт, снег растопит, землю согреет.

– Неужели, и здесь цветы зацветут? – не поверила Зарема.

– И цветы будут, и ягодки, – улыбнулся старик. – Все поляны будут полны.

– А ягоды здесь красные?

– И красные, и чёрные, а сладкие, как рахат-лукум.

– Не может быть! – звонко рассмеялась девушка.

К их кибитке подлетел всадник, от коня валил пар, молодой цыган распахнул короткий полушубок; под ним красная рубаха как грудь снегиря, лицо разругалось, тёмные волосы трепал ветер.

– Ух, еле вас догнал! Хотел зайца поймать, да ушёл косою!

– На зайца силки нужны, – крикнул дед. – Одни дурни за ними гоняются!

– Какие же силки, когда мы в этом лесу в первый раз, – возмутился парень.

– Это ты в первый, а я уж не раз бывал.

– Что ж силки не расставил? – огрызнулся Селим.

Зарема хихикнула в кулачок. Дед хотел обругать молокососа, но только рукой махнул.

– Я вперёд поскачу, на моём скакуне шагом тащиться, только коня портить, – хвастливо заявил Селим.

Он поднял своего вороного на дыбы и понёсся с гиканьем. Зарема восхищённо смотрела ему вслед, дед усмехнулся:

– Погоди, погоди, снег сойдёт, трава проглянет, и справим вам свадьбку.

– Красиво? По всем правилам? – мечтательно спросила Зарема.

– А как же. Весь табор знает, как вы с детства друг к другу тянетесь.

– Деда, почему у нас имена не цыганские?

– Так родились-то вы у тёплого моря, у тамошних народов имена красивые. Вот и выбрали для вас самые лучшие.

– А ты где родился?

– Того уже никто не помнит. Я же самый старый в таборе.

– Смотри, смотри, – перебила девушка. – Селим возвращается.

– Беда! Беда! – ещё издали закричал парень.

– Что ещё?! – насторожился дед, остановил коней.

Все кибитки остановились, люди окружили Селима. Он стал рассказывать, волнуясь, махал руками, торопился.

– Сгорел весь город, сгорел! Одни головёшки кругом!

– Как сгорел?! – не верили цыгане.

– Весь! Дотла!

– Не может быть!

– Я своими глазами видел! Сгорел город!

– Может, это другой город, не тот в который мы шли? – с надеждой спросила Зарема.

Дед угрюмо покачал головой.

– Другого тут нет и не было никогда.

– Как же он так весь сразу?!

– Татары, – вздохнул дед, – уже и сюда добрались. Что с людьми? – спросил он у Селима.

– Нет никого, – судорожно сглотнул цыган, – только трупы.

Зарема ахнула, закрыла лицо руками. Цыгане испуганно зашумели.

- Куда теперь?
- Что ж нам делать?
- Перемерзнем здесь все!

Барон – пожилой, тучный, в рыжей лисьей шубе, крытой яркой восточной тканью, – неспешно вышел вперед. Перед ним почтительно расступались. Он взял коня Селима под уздцы, погладил по морде, постоял, задумавшись, и произнёс веско:

– Дальше пойдём, севернее, за большим озером, есть огромный город. Русичи зовут его Новым городом. Там богатая торговля, товары со всего света. Туда пойдём.

Спорить с ним никто не решился, но многие бурчали в бороды, что зря ушли с юга. Там – солнце, фрукты, пряности, здесь – только ёлки и снег.

Кибитки снова тронулись в путь. Зарема испуганно жалась к деду, он устало сутулился, кони шли, опустив морды к самой земле. Даже Селим притих, молча ехал рядом.

Лес кончился неожиданно, по глазам ударило жёлтое весеннее солнце. Зарема жмурилась, закрывалась ладошкой. На полях снег уже почти стаял, кое-где показалась рыжеватая земля. Над этими островками суетились шумные птицы. Дорога обогнула небольшой холм, справа угадывалась речушка, ещё покрытая одеялом льда и снега, а впереди всё было черным-черно, в нос ударил горький запах гари.

– Что это?! – испугалась Зарема.

– Город, – мрачно отозвался дед.

Кибитки выехали на пожарище, под колёсами хрустели головёшки, мёртвые, опалённые деревья склонялись над дорогой, от домов остались кучи чёрных брёвен и кирпичи печей. Коня заржали, испуганно шарахнулись в сторону. Зарема увидела, как шумно поднялась стая воронья, загалдела, закружилась над головой. На земле остались исклёванные, обгорелые трупы. Девушка уткнулась деду в плечо.

– Поедем, поедем отсюда скорей!

Над пожарищем стояла такая тишина, что вороний грай казался оглушительным. Вдруг к нему прибавились новые звуки: конский топот, гиканье.

Татары вылетели из леса, окружили кибитки. Цыгане замерли, не зная, чего ждать. Дед успел толкнуть Зарему вглубь кибитки. Она смотрела через крохотную дырочку на странных людей, живущих, чтобы воевать: шубы мехом наружу, шапки с хвостами, глаза-щёлочки на круглых лицах. Коня коротконогие, крепкие, дышат ровно, будто и не скакали. Один татарин привстал в стременах. Он был одет лучше других, из-под меха видны дорогие китайские шелка, кривая сабля украшена золотом и камнями, на груди цепь с украшением красоты удивительной. Такой работы Зарема никогда не видела.

«Интересно, краденное оно, или у этого народа тоже есть свои чудо-мастера?» – подумала Зарема.

Татарин свысока осмотрел табор, сказал что-то резко, гортанно. Дед Заремы бросился к нему. Он знал так много языков, что и сам со счета сбился. Старик низко поклонился всаднику, заговорил торопливо. Татарин махнул рукой, воины ринулись шарить в кибитках, выталкивать детей, выкидывать тряпки. Зарема залезла под старую шкуру, сжалась в комочек, затаилась. Она слышала чьё-то дыхание, каркающие слова, похожие на ругательство, кибитку качнуло, татарин спрыгнул. Но она всё боялась вылезать. Долго слушала непонятные крики, плач, знакомые голоса. Женщины умоляли, посылали проклятия. Зарема и уши зажала. Ей показалось, что выпрягают коней, и вскоре всё стихло.

Голос деда позвал:

– Зарема, детка!

Она выбралась из-под шкуры, кинулась на шею старику.

– Что случилось, дедушка? Я так боюсь.

– Всё хорошо, теперь всё хорошо, – он гладил её по голове. – Не нашли тебя злодеи.

– Я спряталась. Страшно! Ой, а где наши кони?

– Забрали, и других забрали. Всех хороших коней увели!!

– И у Селима забрали?

Дед вздохнул горько, отвернулся.

– Что? Что с ним случилось? – вскрикнула девушка.

– Увели. Забрали всех молодых, сильных мужчин. Женщин, детей оставили. Решили, что не дойдут.

– Куда?

– До рынков, где рабами торгуют.

Зарема не могла, отказывалась понять, что больше не увидит Селима. Ей всё казалось, он сейчас их догонит, вернётся. Она невольно прислушивалась, ждала быстрого стука копыт по дороге, вот-вот Селим появится на своём чёрном коне, поднимет его на дыбы, засмеётся весело. Но дни шли, и её надежды таяли.

Татары оставили табору только четырёх пузатых кобыл. Все женщины, дети, старики набились в две большие кибитки. Лошади еле тащили их по раскисшим лесным дорогам. Цыганки не переставали плакать и причитать.

– Молчите, дуры! – срывался дед. – Новую беду накличете.

Девушка жалась к нему, она очень боялась новой беды.

– Хорошо, что они камни не нашли, – пробасил барон.

Татары забрали его дорогую шубу, и он мёрз в драном тулупчике.

– Доберёмся до Новгорода, обменяем, коней купим, – радовался дед.

– Мужей наших – ни за какие лалы не вернёшь, – всхлипнула толстая, беременная Сабина.

– За лалы-то как раз и вернули бы, купили бы, как другие себе рабов покупают. Да где их теперь искать, – вздохнул барон. – Кто знает, куда их теперь погнали.

– Да-а, на наших клячах за конницей не утонишься, – согласился дед.

– Придётся вам новых мужей искать, – сказал барон, и все смолкли, задумались.

Когда до Новгорода остался один день пути и всё чаще стали попадаться навстречу путники, что на разных языках расхваливали великий город, дед свернул с дороги.

– Куда? – удивилась Зарема.

– Гляди, – он указал кнутом вперёд. – Там, за рощей, шатры.

– Цыгане! – захлопала в ладоши Зарема.

– Вряд ли, шатры слишком большие, яркие. Но если люди кочевые, у них и переночуем.

Девушке захотелось петь от радости. Она так устала ютиться в кибитке, спать сидя, тесно прижавшись к соседкам. Так, конечно, было теплее, но всё тело ныло от неудобной позы, дети толкались, барон скрипел зубами, дед кричал, а Сабина говорила во сне. После нападения они не ставили шатров, боялись, и все были рады переночевать под чьей-то защитой.

Зарема жадно всматривалась вперёд. Яркие белые высокие шатры из тяжёлых дорогих тканей выстроились ровными рядами. Сытые, холёные кони мирно стояли у каждого шатра. Девушка никогда не видела таких стоянок. Она смотрела во все глаза, всё хотела увидеть обитателей этого роскошного табора. Но он был тих и пуст, будто вымер. Только кони звенели дорогой упряжью, да перебрёхивались большие поджарые собаки с длинными узкими головами.

– А где же все люди? – недоумённо спросила Зарема у деда.

– Да, кто ж их знает, внучка. Может, перебил кто.

– Какой ужас! – похолодела Зарема. – И здесь... Всех?!

– Не пугайся зря. Если бы перебили всех, то сразу бы пограбили. Чего столько добра пропадает. Нет таких народов, чтобы не грабили, – успокоил её дед.

– Так где же они?

– Пьют! – уверенно заявил старик. – Набились в один шатёр, как в муравейник, и пьют за здоровье, а может за упокой.

Словно в подтверждение его слов из дальнего самого большого шатра неверной походкой вышел грузный мужчина, постоял в задумчивости, шагнул ещё и повалился как мешок. Следом появились ещё двое, широко жестикуюлируя, перешагнули первого, решительно направились прочь, обернулись, опять замахали руками и принялись поднимать упавшего. Он вставать не хотел, отмахивался, валил помощников на землю. Возня вышла утомительная, и Зарема звонко смеялась, забыв свои страхи.

Кибитки нещадно скрипели, медленно тащились вперёд. Зарема очень хотелось подгонять коней, но несчастные животные еле переставляли ноги.

– Миленькие, ну ещё чуть-чуть! – умоляла девушка.

Она от нетерпения не могла усидеть на месте.

Зарема соскочила с повозки и зашагала рядом. Она готова была бежать впереди, но дед глядел строго. Из серого мартовского снега там и

сям торчали ветки и камни. Как дед ни старался, кибитка не миновала их, страшно накренилась, заскрипела, и большое оббитое железом колесо покатило само по себе, завалилось в сугроб.

Все выскочили из кибитки, загалдели, стали орать на деда, давать опоздавшие советы, бестолково махать руками, шлёпать любопытных ребятешек. Зарема тихонько отошла в сторонку. Теперь застряли надолго. Она с грустью смотрела на шатры сквозь голые ветки каких-то кустов. Цыгане всё бранились, а из большого прямоугольного шатра выходили новые люди. Зарему удивляло, что все они были рослыми воинами в блестящих доспехах и одинаковых плащах с нашитыми крестами. Ни вездесущих детишек, ни шумных женщин, ни немощных стариков не было с ними. Все были широкоплечи, сильны, у каждого на боку висел огромный длинный совершенно прямой меч. Девушка никогда прежде не видела такого оружия. Каким надо быть силачом, чтобы поднять его! Ещё её удивлял цвет волос этих богатырей, куда светлее, чем у всех, кого она знала. У некоторых головы были совсем жёлтые, как солома на полях, а кожа у незнакомцев была светлая – почти как снег.

– Какие странные люди, – шептала Зарема. – Неужели, в этих холодных землях все такие? Интересно, а женщины у них красивые? – спросила она сама себя. Она представила каскад длинных золотых волос и замечталась. – Мне бы такие.

За спиной всё ещё слышалась гортанная ругань и препирательство. Девушка глубоко вздохнула. Оглянулась с упреком. Никто не обращал на неё внимания. Зарема решила и медленно, стараясь остаться незамеченной за кустами и молодыми ёлочками, одна отправилась к шатрам. Ей только хотелось подойти поближе, чтобы лучше рассмотреть незнакомцев. Она очень боялась, что её почуют эти большие длинноногие собаки. Но к счастью ветер дул ей в лицо, и Зарема благополучно добралась до крайнего шатра, осторожно выглянула из-за тёмного полога, но ничего не увидела, кроме...

Своего отражения! Оно было ярче и чётче, чем в любой воде. Она ясно видела свои огромные испуганные глаза и растрёпанные волосы. А тут ещё отражение заговорило на неизвестном языке.

Зарема сжалась и лицо закрыла руками. Вокруг было тихо, и ничего ужасного не происходило. Она решила открыть глаза. Отражения больше не было. Перед ней стоял один из светлоголовых незнакомцев – совсем молодой, улыбающийся, с невероятными голубыми глазами, ясными, как небо над головой. Зарема хотела убежать, он удержал её за руку, рассматривая с любопытством. Она смущённо отвернулась, но бежать передумала. Он что-то говорил, спрашивал, она не понимала ни слова. Хотя дед и обучал её языку северян. Наверное, он не был россом. Зарема махала смуглой ладошкой, пожимала плечами, показывала, что не понимает. Он тоже перешёл на жесты:

– Кто ты?

– Зарема.

– Я – Фридрих.

Он всё ещё не выпускал её озябшие пальцы из своей тёплой ладони. И ей это было приятно. Зарема совсем перестала бояться этого чужака. У него была открытая улыбка, и девушка тоже улыбалась, сама не зная чему. Он опять непонятно заговорил, а она просто слушала его низкий мягкий голос. Ей показалось, что он извиняется за что-то. Фридрих подал Зареме что-то плоское, круглое, она взяла. С одной стороны на эмали портрет девочки в жёлтых кудряшках, а с другой... она снова увидела сама себя.

Только теперь её щёки горели румянцем, а глаза светились радостью, как на празднике.

– Spiegel, – попытался объяснить Фридрих.

Зарема вспомнила, как дед рассказывал ей, что далеко-далеко за тёплым морем есть удивительный город, где умеют из стекла делать разные чудеса. И даже пластины, в которых всегда ясное отражение, их не надо ни чистить, ни натирать, только нельзя ронять, чтобы не разбить.

– Зеркало! – обрадовалась девушка, полюбовалась ещё и протянула вещицу хозяину. Он властным жестом отвёл её руку.

– Оставь себе.

Она не решалась принять такой дорогой подарок. Опять хотела вернуть, он нахмурился, отрицательно покачал головой. Зарема прижала зеркальце к груди. Фридрих снова заулыбался. Девушка знала, что он её не поймёт, но всё равно быстро-быстро затараторила слова благодарности.

Тут грубый, хриплый голос окликнул Фридриха. Он обернулся, ответил что-то и снова стал извиняться перед Заремой:

– Я должен идти, – поняла девушка, и ей вдруг стало очень грустно.

– Приходи ещё, – услышала она в его словах, или ей просто хотелось это услышать.

Он отпустил её руку и быстро убежал, гремя своими доспехами. Зарема осталась совсем одна. Она сразу почувствовала, как сильно замёрзла и проголодалась. Она спрятала подарок под тулупом и заспешила обратно к кибиткам. Она очень торопилась, ноги проваливались в талый снег, в коротких сапожках уже давно было мокро, сердце билось, словно пойманная птица.

Глава восьмая **ЦЫГАНСКОЕ СЧАСТЬЕ** (продолжение)

Колесо уже вернули на место, цыганки рассаживали по кибиткам детей, дед поправлял сбрую, собирался ехать дальше.

– Ты где была?! – напустился он на внучку.

– Ходила к шатрам, – потупилась Зарема.

– Кто тебе разрешил?!

– Я осторожно.

– А если б что случилось!

– Меня никто не видел, – солгала Зарема и покраснела.

– А ты что видела? – смягчился дед.

– Там все воины с большими мечами, – торопилась поделиться девушка. – Они все высокие, и волосы у них светлые, и глаза голубые, – проболталась она.

– И глаза рассмотрела, – хитро сощурился дед.

– А на плащах кресты. Собаки у них худые, высоченные, – продолжала Зарема, всё показывая руками.

Дед слушал её серьёзно, хмурил брови, чесал бороду, потом прервал на полуслове:

– К ним не поедem.

– Почему? – надула губки Зарема.

– Сиди здесь, – велел старик, откашлялся. – Пойду с бароном переговорю.

Они долго совещались вполголоса за кибиткой. Зарема прислушивалась, но слышала только тяжёлое сопение борона, кашель деда, да обрывки фраз.

– ...воины. Неспроста, это немцы....

– ...Разорят Новгород... Будут убивать всех подряд.

– Лучше держаться подальше... Пусть воюют между собой. Наше дело сторона.

Зарема прыгала на месте, чтобы согреться. Ей очень хотелось поселиться рядом с таинственными воинами. Она осторожно достала зеркальце, глянула и поспешно спрятала, пока никто не видел. Дед вернулся, кряхтя, полез на козлы, стал разворачивать лошадей.

– Куда?! – возмутилась Зарема.

– У самого озера встанем, подальше от этих вояк.

Зарема отвернулась и долго, глотая слёзы обиды, выглядывала из-за полога, смотрела, как удаляются заветные шатры.

Табор осиротел, в неудобствах и хлопотах дороги это было не так заметно, но когда остановились, разбили шатры, стало сразу видно, как всё изменилось. Никогда ещё не были так длинны и тоскливы вечера. Никто не пел, разговаривали вполголоса. Зарема стала уходить далеко от табора. Бродила среди берёз, гладила их белые стволы, грустила. Как не хватало ей весёлого, звонкого голоса Селима, его тёмных лукавых глаз, дерзких шуток. О чём бы девушка ни думала, мысль упрямо возвращалась к прошлым счастливым дням. И обжигало «НИКОГДА! НИКОГДА!» Зарема горько плакала, растирала слёзы по щекам. Сквозь кусты и хлипкие сугробы бежала от страшных мыслей, не разбирая дороги...

Очнулась: кругом ровные, белые стволы, снег, тревожная синева неба над головой.

– Куда же теперь? – спросила она вслух.

Отвечали ей только по-весеннему шумные птицы. Девушка жалобно всхлипнула:

– Неужели заблудилась?! Нет, нет, я недалеко ушла.

Зарема решительно поправила цветастую шаль, вытерла покрасневший нос кулачком. Круто повернула назад и зашагала обратно по своим следам, они глубоко отпечатались в рыхлом снегу. Зарема сама удивилась, как сильно петляла, забирала влево.

– Так я буду долго плутать, – решила девушка, – надо срезать путь.

Но так получилось ещё хуже. Она потеряла из виду свои следы и брела наугад. Места казались ей незнакомыми. Наконец впереди показался просвет, деревья стали реже, Зарема уже сильно устала, но прибавила шагу.

К своему величайшему удивлению она вышла на берег замерзшего озера. Зарема стояла в полной растерянности и тяжело дышала. Воздух был полон птичьего гомона, и ярко светило солнце, оно отражалось ото льда, слепило глаза. Девушка зажмурилась.

– Зарима?!

Она резко обернулась на голос. Совсем рядом на уступе берега стоял светловолосый воин, подаривший ей зеркальце. Зарема так сильно обрадовалась ему, что даже сама удивилась.

– Ф... Фридрих? – несмело произнесла она и застенчиво улыбнулась.

Он сразу стал что-то говорить, объяснять, вертеть головой.

– Ты меня искал? – удивилась девушка.

Он закивал, показал, как расстроился, что не нашел её. Взял за обе руки и заулыбался так счастливо и глупо, что Зарема расхохоталась. Воин тоже рассмеялся, потом снова стал рассказывать. Ей нравился его низкий, сильный голос, чуть растянутые слова. На юге так никто не говорил. Язык его был незнаком Зареме. Ей даже показалось, что он один, на всей земле, говорит на этом языке.

Он обвёл озеро широким жестом.

– Schone!

Она смотрела растерянно. Он указал на неё и повторил:

– Schonheit!

Она не понимала. Фридрих сложил ладони лодочкой, вертел перед своим лицом.

– Это зеркало, – догадалась Зарема.

Она бережно достала дорогой подарок. Он опять указал на неё, на зеркало:

– Schonheit!

Зарема уставилась в зеркальце. Фридрих подошёл совсем близко, обнял и неожиданно поцеловал. У Заремы захватило дух. С Селимом они часто целовались, но он спешил, будто воровал. А светловолосый был смел и спокоен, словно хозяин. Он был так высок и могуч, что Зарема себя чувствовала крошечной птичкой в его объятиях.

– Не надо, – она робко высвободилась и тут же пожалела.

Фридрих смотрел на неё и улыбался. Зарема прятала глаза, не знала, что теперь делать. Вдруг удивила сама себя, прильнула к воину и подставила губы.

Они стали встречаться каждый вечер. Прошло всего несколько дней, а Зареме казалось, что они знакомы целую вечность. Было совсем не важно, что она не знала слов, она всё понимала. Зарема засыпала, вспоминая каждую минуту свидания, и едва проснувшись, начинала ждать вечера.

Но в этот день она твёрдо решила не ходить к озеру. Дед расхворался, лежал в лихорадке, Зарема боялась от него отойти, поила травяным отваром, поправляла сползавшее одеяло, слушала его ворчливое рассуждения:

– Ты, внучка, слушай меня, я жизнь прожил, много чего повидал. Когда одна останешься....

– Дедушка!

– Не перебивай! Люди вечно не живут. Боюсь я за тебя, – дед хмурился, кашлял.

Зарема поднесла к его губам чашку с горячим питьём, он хлебнул и снова за своё:

– Эх, не успел тебя замуж выдать! Не думал, что так может получиться. Где теперь наш Селим?! Знать не судьба тебе с молодым орлом травы мять.

Зарема покраснела, опять принялась поправлять старику одеяло. Достала тайком зеркальце,дохнула на него, стала протирать.

– Не надо, дед.

– Молчи, – рассердился старик. – Ишь, свиристель! Может, тебе и лучше с молодым мужем, только мне виднее. Как помру, иди за барона, он сразу возьмёт.

– За барона?! – Зарема выронила из рук зеркальце. Оно упало и разбилось на множество мелких осколков. – Я не хочу! Он страшный, толстый и злой!

– Дура! Где теперь красавцев брать?! Селима больше нет. Забудь его и делай как говорю!

Зарема поспешно собрала осколки и выбежала из шатра. Её душили слёзы. Стало так себя жалко, она сжалась в комочек и громко всхлипывала как в детстве.

– Вот, это всё из-за того, что я забыла своего Селима с этим чужим воином! Боги покарали меня за распутство.

Она плакала о дедушке, о Селиме и убеждала себя забыть вечера над озером. Но сердце не хотело слушать разумных слов.

– Надо сказать Фридриху, что я больше не приду, – решила девушка.

Зарема заглянула в шатёр. Дед заснул, дышал ровно, глубоко. Она вытерла слёзы и побежала к озеру. Хотя было ещё рано, но она очень торопилась, даже в ушах шумело. Она выбежала на берег и замерла.

Озеро, всегда тихое и заснеженное, было до краёв полно конского топота. Подкованные копыта гремели по льду как по наковальне. Сердце сжало предчувствие беды. Девушка испуганно вертела головой. У дальнего края озера стеной стояли пешие воины с короткими мечами. Но грохот слышался не оттуда. С другой стороны на них медленно и страшно как туча двигались закованные в железо всадники. Зарема

узнала воинов из белых шатров. Их длинные плащи украшали кресты. Девушка пыталась среди всадников найти Фридриха, но все лица были закрыты шлемами, похожими на ведра. Впервые они не казались Зареме красивыми. По спине полз холодок страха. Крестоносцы двигались молча сомкнутыми рядами. Только строй был какой-то странный – не то клин без верхушки, не то свинья без ушей.

Строй пеших двинулся вперёд с неистовым криком, и две армии сошлись прямо напротив оцепеневшей на крутом берегу девушки. Она замерла, не могла шевельнуться, хотела и не могла убежать. С высокого берега ей были хорошо видны лица пеших воинов. Дед называл их русичами. Они защищали свой Новый город. Какая безумная храбрость вела их в бой с железными всадниками!?

Воздух наполнился стрелами. Крестоносцы огромными двуручными мечами рубили пеших незащищённых воинов. Тела без рук, без голов падали под копыта коней. Лёд заливала алая кровь, он шипел и таял под ней. Всё становилось красным: зимнее озеро, белые плащи рыцарей и рубахи новгородцев, оружие, кони и само небо! Русичи уворачивались, толкали коней с такой силой, что они валялись на бок, придавливали всадников. Тяжёлые крестоносцы уже не могли подняться. Их убивали русичи, затаптывали тяжёлые кони. Гремело железо, кричали люди, ржали кони.

Оглушённая увиденным, Зарема зажала уши руками, упала на колени, раскачивалась, кричала и стонала, как от сильной боли.

Совсем рядом с ней два гиганта схватились насмерть. Крестоносец в горящих на солнце латах прокладывал себе путь длинным мечом и казался несокрушимым. Русич подсёк своим коротким мечом ноги его коня, тот заржал, повалился вперёд, всадник перелетел через его голову, но быстро поднялся. Рыцарь взмахнул мечом, удар был страшен, но русич отбил его. С оружия сыпались искры. Меч русича сломался у самой рукояти, воин отступил, схватил со льда упавшую стрелу. Крестоносец широко замахнулся, русич отчаянно ринулся вперед и воткнул стрелу в щель забрала. Закованный в железо воин закричал, выронил меч, схватился за голову, повалился на колени. Противник подобрал его оружие и нанес смертельный удар.

Пешие воины были отчаянно храбры, но крестоносцы быстро теснили их. Вдруг им в спину из-за леса вылетел отряд всадников. Их вёл князь в развевающемся алом плаще. Крестоносцы оказались в окружении, пытались разворачивать своих тяжёлых коней, те неуклюже скользили, падали, бились на красном от крови льду.

Солнце стало заметно припекать, на гладкой поверхности озера появились лужи и трещины. Кони крестоносцев стали проваливаться под лёд, тяжёлые доспехи тянули всадников на дно. Кони отчаянно бились, увеличивая полыньи...

Зарема не могла больше смотреть! Сама не своя от ужаса она бросилась прочь от страшного места, но грохот битвы и пронзительные

крики ещё долго преследовали её. Девушка бежала, заливаясь слезами, бормоча несвязные слова, задыхалась, не видела дороги. Только спрятавшись в тёплой темноте родного шатра, она смогла немного успокоиться. Её мучил озноб. Зарема сжавшись в комочек, куталась в пёстрое одеяло.

Весь день она просидела спрятавшись в шатре. Дед поправлялся, лихорадка отступила, вечером он даже встал.

– Пойду с бароном потолкую.

Зарема кивнула, говорить она всё ещё не могла. Страшная битва стояла перед глазами. Дед долго не возвращался, пришёл довольный.

– Завтра едем в город. Было большое сражение. Новгородцы победили, перебили рыцарей.

– Всех?! – ужаснулась Зарема.

– Зачем всех. Кое-кого взяли в плен. Теперь на радостях будут много денег тратить. Самое время для торговли.

Город поразил девушку строгой белизной огромных храмов с горящими на солнце куполами и затейливостью резных деревянных расписанных красным теремов. Он не был таким пёстрым и шумным как караван-сарай. В нём была своя строгая и величавая красота. Здесь не было душного сочетания пряностей и верблюжьего пота, суеты. Холодный, свежий воздух пах сосной и берёзовым дымком. Люди были степенны и серьёзны. Их голоса казались Зареме необыкновенно низкими и сильными.

Кибитки долго кружили по улицам, высланными потемневшими длинными досками. Зарема не могла себе представить, из каких громадных деревьев их сделали. Наконец, дед остановил лошадей.

– Вот здесь у Ефима на подворье и встанем. Он мужик богатый. Я с ним сколько раз торговал. Не скупится, не торгуется, платит, сколько скажешь. За домом у него большой пустырь, там шатры и разобьём. Теперь нам много места не надо, – вздохнул старик.

У Ефима праздновали. Все домочадцы были пьяны. Хозяин сам отворил ворота, обрадовался цыганам как родным.

– Вовремя вы, вовремя! Заезжайте, и сразу к столам, потом скарб разберёте.

Зарема совсем не понимала язык северян, и дед шёпотом объяснял ей. Ефим был рослый, плотный, седоволосый, с густой курчавой бородой, розовощёкий и улыбчивый. Он обнял и расцеловал деда Заремы. Засыпал его вопросами:

– А это кто? Внучка твоя? Красавица! Чего же так долго не приезжали? Что ж вас так мало? И кони где? Небось, уже продал, старая bestия?

– Татары, – вздохнул дед.

Хозяин помрачнел.

– Ну, ничего, ничего. У нас здесь пока тихо. А немцев били и будем бить! Эй, Иван, Трофим, Васья! Принимайте дорогих гостей.

Дед с Заремой вошли в дом, а остальные цыгане покатали свои кибитки на пустырь. Следом уже несли обильное угощение. Сыновья у Ефима были русоголовые, высокие, статные. Как на подбор. Хоромы светлые, просторные. Большущий деревянный стол уставлен яствами. Вдоль него полно гостей, пьют, хохочут. Зарема пристроилась с краешку, по сторонам глазеть боялась, смотрела в свою расписную миску. Хозяин кормил вкусно. Хмельной мёд девушка пробовать не решилась. А дед рядом пил и побряхтывал:

– Крепок медок. Эх, ядрёный!

Ефим поднялся, гости затихли, повернулись все в его сторону. Дед переводил заплетающимся языком, Зарема его почти не слушала.

– А теперь, гости дорогие, хочу вас позабавить. Был у дедов наших славный обычай – отпускать пленников.

Гости зашумели не то одобрительно, не то возмущённо. Зарема стала прислушиваться. Хозяин продолжал:

– Пять дней назад мы отбили у татар обоз с русичами, были там и басурмане. Мне достался один парнишка. По виду турок, но кто такой не говорит. А вчера взял я немца. Так думаю, устроить между ними кулачный бой. Кто победит, того отпущу.

Гостям идея понравилась, все поднялись и направились к дверям. Зарема ничего не понимала, потянула деда за рукав, но его сморило от выпитого мёда. Старик уснул прямо за столом. Девушка попыталась его разбудить, но ничего не добившись, вышла во двор вслед за остальными.

Народу собралось много, яблоку негде упасть, но в центре оставили большое круглое поле. Все чего-то ждали. Зарема не могла понять, что они собираются делать. Народ зашумел громче. Она забралась на какую-то колоду, чтобы хоть что-то разглядеть. Пустая поляна стала видна как на ладони.

Зарема вскрикнула от неожиданности, когда в центр круга сыновья Ефима вывели тёмноволосого курчавого парня. Зарема узнала Селима. Она так обрадовалась, что не знала плакать или смеяться. Она прыгнула с колоды и стала пробиваться к нему.

– Жив! Жив! Здесь! Рядом! Вернулся!

Но её не пропускали.

– Это Селим! Это мой жених! – пыталась объяснить цыганка.

Её не понимали, сердито отмахивались. Девушка дёргала пожилого соседа за рукав рубахи.

– Он цыган, он свой, он друг! Он из табора! Жених!

Её не слушали.

– Он мой, – всхлипывала девушка.

Толпа опять зашумела, Зарема поспешно забралась на своё прежнее место. Она увидела Селима, а напротив него стоял, гордо подняв голову... Фридрих! Зарема опять хотела кричать, что она его знает, но замерла, боясь на мгновение отвлечься.

Ефим что-то громко объяснял, потом махнул рукой. Зарема поняла, что Фридрих и Селим будут драться. Противники смотрели друг на друга, не двигались. Вдруг Селим бросился на немца, получил тяжёлый удар в челюсть и упал на спину. Но быстро вскочил, тряся головой. Рядом с Фридрихом он казался подростком, худым и вертлявым. Цыган непрерывно атаковал немца со всех сторон, получал увесистые удары, уворачивался, отскакивал и снова нападал.

Зарема смотрела с ужасом. Она сама не знала, кому желает победы. Оба были ей дороги.

Новгородцы веселились, подзадоривали бойцов, свистели. Оба пленника стали уставать, вытирали с лиц пот и кровь. Но немец был явно сильнее, теснил цыгана. Селим опять упал, отполз в сторону, собрался весь, выхватил из-за голенища короткий нож и метнул в противника. Зарема охнула и прижала кулачки к шее. Фридрих схватился за горло, руки сразу стали красными. Он покачнулся и упал замертво.

Зарема страшно закричала. Новгородцы загудели, ринулись бить цыгана за нарушение правил, но Ефим остановил их и указал Селиму на ворота. Победитель медленно побрёл прочь.

Кибитки медленно тащились по весенним, раскисшим дорогам. На деревьях проклюнулись первые листочки, воздух был дурманяще свеж, птичий гомон заглушал скрип колёс. Целый год провели цыгане в богатом Новгороде.

Зарема прижимала к груди своего розовенького малыша и подолгу смотрела на него с нежностью. Всё, о чём она мечтала год назад, исполнилось в её жизни. Дед выздоровел, Селим был рядом. Она подняла глаза на мужа, он гордо гарцевал на новом роскошном жеребце. Отчего же так бесконечно грустно? Зарема незаметно смахнула слезинку.

– Спи, спи, мой маленький.

Но сын не хотел спать, смотрел на неё небесно-голубыми глазками и улыбался.

Глава девятая **ЧЕМ ДАЛЬШЕ, ТЕМ СТРАШНЕЙ**

Яркий свет, решительно убивает приятные, безмятежные сны. Просыпаться, думать, понимать, что я всё ещё взаперти. Не хочу! Я накрываюсь одеялом с головой, поворачиваюсь к стене, воздух быстро кончается. Я вытаскиваю нос, подглядываю одним глазом...

Со стены, у самого лица, на меня пристально глядит, деловито шевеля усами, отвратительный рыжий огромный таракан. С диким визгом я пулей вылетаю из кровати, отмахиваюсь подушкой, отпрыгиваю назад, на кого-то налетаю. За спиной что-то обрушивается, катится по полу. В это время таракан галопом бежит по кровати, достигает края, подёргав усами, спрыгивает и, к моему непередаваемому ужасу, на двух

маленьких рыжих крылышках благополучно перелетает на пол и приземляется у моих ног. С боевым криком я хватаю тапочек обеими руками, поднимаю его над головой и обрушиваю на насекомое. Только увидев жалкое пятно на линолеуме, я могу спокойно выдохнуть и обернуться. Незнакомая мне сестра крутит пальцем у виска:

– Дурдом!

Я с победным видом осматриваю поле битвы: по всему полу валяются бутылки, таблетки, шприцы, медсестра собирает их на деревянный лоток, как у коробейников в кино. Шприцы большие, стеклянные, уложены в железные коробки. Уже в который раз мне кажется, что в этом месте время остановилось, застряв где-то в послевоенных годах.

– Уколы? – удивляюсь я. – Вчера же их не было.

– Вот именно – не было, – соглашается сестра, – нечего было колоть, мы и не кололи.

Женщина она неприятная, с крупным носом, большими ушами, руками, ногами; в старом, застиранном, явно малом ей белом халате с засученными рукавами. Она почему-то напомнила мне, колоритного палача из средневековых сказок.

Все мои подруги по заключению восседают на своих заправленных кроватях, уже одетые и причёсанные, словно проснулись давным-давно. Сестра ставит свой лоток на Иркину тумбочку, достает из своих железных коробок шприцы, ампулы. К моему удивлению, все настроены благостно.

– Мой церебрализинчик, – радуется Пуся, словно встретила старого друга.

– Моя валерьяночка, – в тон ей вторит Ирка.

Можно подумать, они даже рады лечению, только Лена, на мой взгляд, ведёт себя адекватно. Она брезгливо морщится и честно признается:

– Терпеть не могу церебрализин, он плохо рассасывается. Я вообще не люблю уколы.

– Люблю, не люблю, – ворчит сестра, – подставляй задницу.

Уколы она ставит размашисто, отчаянно, словно мстит за давние оскорбления. И почему процедурные сестры так не любят своих пациентов? Я искренне радуюсь, что экзекуция меня не касается.

После ухода палача в белом халате мы мирно стучим алюминиевыми ложками по своим железным мискам, борясь с сильным желанием вылить кашу в раковину. Так есть хочется! Но каша всё равно совсем не похожа на еду.

День медленно плетётся дальше. Как обычно, Пуся радостно прыгает на кровати. Я пытаюсь пристроиться на краешке своей, принять удобную позу, но снова и снова скатываюсь по растянутой сетке вниз.

– Теперь понятно, как эти кровати приобретают свою форму, – замечаю я, кивая на Пусю. – Интересно, кто лежал здесь до меня? Наверняка, такая же любительница попрыгать. Узнать бы, где она теперь.

– Здесь лежала очень милая дама, – живо реагирует Маша. – Её выписали перед самым твоим приходом. Теперь она поселилась в розовом домике.

– Что ещё за розовый домик? – настаораживаюсь я.

Верка весело подключается к разговору, как-то недобро усмехнувшись:

– Ну, розовый домик, разве ты не знаешь? Возле каждой больницы есть такой маленький домик для самых любимых пациентов.

Я ничего не понимаю:

– О чём вы говорите? Это какая-то шутка?

Лена вздыхает устало и объясняет по-человечески, серьёзно и даже грустно:

– Они говорят про морг. Его обычно устраивают в отдельном маленьком домике, и неизвестно почему, всегда белят в розовый цвет.

– Она что, умерла?! – я вскакиваю от возмущения. – До меня здесь лежал труп?!

– Успокойся, успокойся. Они пошутили, – уверяет Лена. – Пациентку, лежавшую на твоей кровати, просто выписали домой.

Я спокойно вздыхаю, опускаюсь обратно на свою кровать и, как всегда, проваливаюсь чуть ли не до самого пола. Только я успеваю подумать, что Лена нормальный приятный человек, как она встаёт, набрасывает на плечи покрывало и, раскинув руки словно крылья, начинает плавно кружиться по комнате. Я гляжу на неё с недоумением.

– Обычное дело, – бросает Маша. – Она думает, что она моль и может летать.

– Ерунда, какая-то, – не верю я. – Чего ради ей так думать?

– Говорят, она свихнулась после дефолта. Прямо перед тем, как накрылись все вклады, её муж продал машину, гараж и дачу, они собирались переезжать в тёплые края. Само собой, до поры положили все деньги в банк. Узнав, что обратно ничего получить нельзя, она и стала молью. Это ещё что, порой ей кажется, что за ней с мухобойкой гоняются сам Ельцин и Гайдар. Во, во, смотри, начинается.

«Моль» резко поворачивается и мечется по палате. Она запрыгивает на кровати, на колченогий стульчик, на тумбочки. Её движения полны ужаса. Накрывшись с головой своими «крыльями», Лена, наконец, затихает.

– «И такая дребедень каждый день», – смеётся Маша. – Психи, что с них возьмешь?

После обеда объявляют сончас, для меня это полная неожиданность.

– Я здесь уже третий день, почему вчера не было никакого сончаса? – недоумённо спрашиваю я у сторожилов.

Маша охотно объясняет и это.

– «Элементарно, Ватсон». Вчера были спонсоры, ради этих толстых дядек изменили весь режим. А позавчера ты явилась как раз после сончаса. Всё очень просто.

- И долго продолжается этот ваш сончас? – уныло интересуюсь я.
- Три часа, – радостно откликается Верка.
- Я не смогу спать так долго! – заявляю я.
- Сначала все так говорят!

...Я поправила белый передничек, оглядела себя в старенькое мутное зеркало. Оттуда на меня смотрела миловидная девушка, в тёмно-коричневом платье горничной.

– Как хорошо, что меня взяли на эту работу. Спасибо, тебе господи, – тихонько прошептала я. – Хозяйка такая молодая, элегантная, утончённая, говорят, она танцовщица, человек искусства. Такая не станет слишком придираться и бить слуг.

Я снова любовно оправила свой передник, потянула воротничок за уголки. Труднее всего было замотать в тугую шишку мои упрямые кудряшки. Вот одна опять выбилась над ухом. Я принялась её поправлять, когда услышала громкий, но мелодичный приятный звон серебряного колокольчика.

- Ой, госпожа Айседора, – спохватилась я и бросилась из комнаты.

Я вихрем влетела на лестницу, но всё равно опоздала, мадам уже вышла из будуара, одетая для прогулки, торопливо натягивала перчатку.

– Вы слишком медленно ходите, моя милая. В слугах я ценю стремительность, – рассмеялась она добродушно. – Сегодня я вернусь поздно, постарайтесь не опоздать с ужином.

Она стала уже спускаться, а я заметила брошенный на её кресле длинный шёлковый шарф. Наверняка она примеряла его, перед тем как надеть на прогулку. Я влетела в комнату, подхватила шарф двумя пальцами, аккуратно сложила на ладони и бросилась к госпоже вслед.

- Мадам, мадам, вы забыли ваш шарф!

Она обернулась, так грациозно, что с неё надо было бы писать картину.

- Что?

- Ваш шарф, мадам.

Я на вытянутых руках подала ей струящуюся лёгкую материю.

– Спасибо, милочка, я совсем забыла. А без него мой наряд был бы явно не полным.

Она взяла свой шарф, обмотала вокруг шеи и элегантно перебросила через плечо, его длинный конец свисал до самого пола. Я проводила её до двери. Приятный молодой человек, помог сесть ей в автомобиль. Размотавшийся шарф длинным краем почти задевал пыльную дорогу за нёсшимся автомобилем...

Мне страшно не хватает воздуха! Я открываю глаза – всё плывет! Хочу кричать, не могу! Меня кто-то душит! Горло сжимают цепкие пальцы. Я пытаюсь отбиваться! Хочу отцепить от себя душителя...

- Ты меня убила! Ты меня убила! – визжит кто-то.

Меня спасают, разжимают смертельную хватку. Я хватаю ртом воздух, дышу как собака. Вокруг меня толпятся подружки по палате. А

напротив двое дюжих санитарок с трудом удерживают кричащую и вырывающуюся Пусю.

Пусю сразу уводят, я стараюсь придти в себя, трясую головой. Шея болит и противно хочется всё время покашливать.

– Чего это она? Вы что знакомы? – пристает с расспросами Маша.

Я только отрицательно мотаю головой. Она разглядывает мою шею, констатирует уверенно:

– Синяки останутся. Интересно, кого к нам теперь подселят? Бедная Пуся надолго переселится к буйным.

– Так она сюда больше не вернётся? – хриплю я.

– Не, не бойся, за такое ей точно сменят прописку.

– А почему же Ирку в тот раз не забрали? – недоумеваю я.

– Я слышала, санитары определяют степень безумия по силе сопротивления. Чем сильнее псих, значит, тем меньше он собой владеет. Ирка Верку лупила-лупила, да всё обошлось даже без синяков. А маленькая Пуся чуть не угробила тебя, и санитары с ней еле справились. Пену изо рта у неё ты видела?!

Я только киваю и очень радуюсь про себя, что сегодня можно будет заснуть, не боясь не проснуться. И всё-таки так странно и так жалко её.

Вечер сменяет скучный длинный день, за решётками окон опускаются сумерки, крохотная полоска неба стремительно темнеет. Кирпичная стена какого-то строения, закрывающая всякую видимость из окон нашей палаты, становится непроглядно-чёрной. Пора спать. Мы расходимся по кроватям, гаснет свет. Я ворочаюсь, кровать громко жалобно скрипит. Уснуть не могу, закрываю и снова открываю глаза. Наконец, я не выдерживаю, сажусь на кровати и тихонько зову:

– Маша, ты спишь?

К моему немалому удивлению, с соседней кровати доносится скрип, тяжёлый вздох и решительный голос:

– Нет, не сплю. Чёрт знает что! Со мной такого сроду не было. Всё из-за полнолуния.

– Сегодня полнолуние?! – удивляюсь я.

– Ещё бы, смотри какая дура на небе висит!

Я поднимаю глаза и действительно вижу круглую яркую луну, зависшую прямо напротив. Даже в палате стало светлее.

– Вот, из-за неё-то наши психи и бесятся. Ещё классики писали, что в полнолуние у всяких чудиков обострение.

– Но Пуся напала на меня днём, – пожимаю плечами я.

– Какая-то логика у тебя, прямо из анекдота! Можно подумать, луна реально исчезает, если ты её не видишь!

– И всё-таки я не никак не могу понять, почему она на меня набросилась. Пуся совсем не похожа на Айседору Дункан.

– Причем здесь Дункан? – удивлённо спрашивает Мария и тоже садится на кровати.

Деваться мне некуда, приходится подробно рассказать ей свой сон. Маша восторженно слушает, не перебивает.

– ... а что было дальше ты и сама знаешь.

– Ну и ну! – выдыхает Маша. – Вот это история. Или вы смотрели один и тот же сон, но тогда... Или всё это просто совпадение. Не верю я в такие совпадения! Слушай, это же готовый рассказ!

– Только слишком короткий, – замечаю я.

– А можно я твою историю напишу? Я ещё дополню, такого напридумую.

– Валяй! – охотно соглашаюсь я.

– Такая история не должна пропасть, – воодушевляется Маша. – Я из неё конфетку сделаю!

– Так и назовёшь: «Случай в дурдоме»? – усмехаюсь я. – Кстати, я всё не могу поверить, что ты могла добровольно сюда придти.

– Конечно, не добровольно, – морщится Маша. – Я тоже здесь не по собственному желанию. Я собиралась совсем в другое место.

– Куда?

– На кладбище... Сюда свозят всех, кого откачали после суицида. Я пыталась решить все проблемы разом. Теперь понимаю, насколько была не права. А ты тоже вроде не похожа на психа, так чего здесь торчишь?

Я уже собираюсь начистоту выложить все свои тайны, но в палату заглядывает разъярённая врачиха и страшно шипит, что все должны спать. Приходится соблюдать тишину. Мы ложимся, темнота и тишина делают своё дело, и я, наконец-то, засыпаю.

Главным событием следующего дня становится прогулка. Мне и в голову не могло придти, что в подобных заведениях бывают прогулки. Но Маша заверяет меня, что очень редко, но такое всё же случается.

– И когда вы гуляли последний раз? – на всякий случай спрашиваю я.

– Честно говоря, давным-давно, – признаётся Маша. – Я так и не поняла по какому принципу здесь назначают дни прогулки. Буйных, я думаю, гулять не пускают.

Мы ожидаем редкого события с радостью и опаской, я и вовсе не могу предположить, на что это похоже. Первая половина дня пролетает незаметно. Обычные, уже хорошо знакомые процедуры обходятся без приключений. И вот нас строго предупреждают, что сейчас мы идём одеваться и, если что, прогулку вообще отменят. Мы клянемся вести себя образцово, нам приносят наши вещи. И вот он великий миг!

Обшарпанная дверь открывается; здравствуй, воздух, осень, свобода! Не тут-то было. Нас выпускают на небольшой кусочек земли, с четырёх сторон затянутый металлической сеткой, словно загон для диких животных. Чахлая трава, пара убогих кустов, скамейка из гнилых досок – вот и всё. Из кустов рванула какая-то рыжая дворняга, шмыгнула в угол ограды, и нырнула в незаметную ямку под сеткой. Свободная псина с громким лаем, весело размахивая драным хвостом, бросилась бежать

прочь. Я с завистью смотрю ей вслед. Поднимаю глаза вверх, надо мной бескрайнее небо. Не голубое, уныло серое, в мрачных рваных облаках, но такое огромное и прекрасное после низких белёных потолков. Холодный, пронизывающий ветер кажется мне подарком судьбы.

Лена с Ирой усаживаются на скамейке, мы с Машей мечтательно смотрим вдаль, где за ровным рядом облетевших тополей видна дорога, шмыгают туда-сюда автомобили. Там свобода, там люди! А здесь за нами неусыпно следит грузная недовольная врачиха. Спрятав руки в рукава своей куртки, она стоит у нас за спиной, у двери в больницу. Погодка ей явно не нравится. Врачиха хмурится и поёживается.

Тягучую нудную действительность резко прерывает неприятный звук. Врачиха за нашими спинами оглушительно чихает, сморкается, вздыхает и скрывается за дверь. В то же мгновение стоявшая как соляной столб Верка одним прыжком пересекает нашу клетку и оказывается возле скамейки, сталкивает с неё Ирку с Леной, прыгает на сиденье. Одна из досок ломается, Верка набрасывается на неё, отламывает совсем и бросается с доской в руках к ямке, через которую выбралась собака. С озверелым выражением лица она начинает ковырять землю обломком доски, стараясь увеличить ямку. Мёрзлая земля и щебень поддаются её напору, отверстие быстро растёт, и пять минут спустя Верка бросает свою доску, садится на землю и лезет под сетку. Ей удаётся легко протиснуться, она вскакивает на ноги и мчится к заветной дороге.

Все, словно застыв, смотрят ей вслед. Мне кажется, что это происходит во сне, а во сне можно всё. Сердце у меня замирает, сама себя не помня, я подбегаю к яме, повторяю Веркин маневр и, завалившись на спину, ногами вперёд лезу под сетку. Я благополучно пробираюсь дальше, дальше и вдруг застреваю. Приходится отогнуть край сетки, для того чтобы освободиться. Я вскакиваю на ноги, не отряхивая джинсы и куртку, бегу, что есть сил, следом за Веркой.

Вожделенная дорога быстро приближается. Верка поворачивает куда-то в сторону и пропадает из виду. Я подбегаю к дороге, вижу притормаживающий перед остановкой автобус, машу руками, бегу к нему. Опаздываю, опаздываю! На моё счастье водитель решил меня подождать. Влетаю на заднюю площадку, двери сразу закрываются. Я сквозь них последний раз вижу злополучную больницу. Держусь за поручень, поворачиваюсь к пассажирам. Сидящая рядом бабка смотрит на меня недовольно и с подозрением. Я негромко, но так чтобы слышала не только она, объясняю:

– На работу опаздываю, бежала на автобус, поскользнулась, упала.

Я старательно нарочито неторопливо отряхиваюсь. Бабка, потеряв ко мне интерес, отворачивается к окну. Стою на задней площадке, смотрю в большое запylённое стекло. Автобус быстро едет вперёд, подпрыгивает на колдобинах, а моё сердце скачет от радости. Хорошо, что никто сейчас не видит моего лица, растянутого счастливой победной улыбкой. Ни о чём думать я не способна. Будь, что будет!

Долгое автобусное путешествие заканчивается, я выскакиваю, так и не заплатив. Чтобы добраться до дома, придётся ещё столько же трястись на троллейбусе. На остановке долго торчать не приходится, вскоре я уже втискиваюсь в душную тесноту очередного транспорта. Качаюсь, зажата, как сельдь в банке, нет нужды даже держаться. А мне хорошо, я улыбаюсь! Просто-напросто я ярко представляю, как вернусь домой, наполню ванну и буду лежать в душистой пене. Удовольствие доставляет даже прозаическая мысль о родном унитазе. Своём собственном! Самым ужасным в далёкой уже психушке для меня были походы в туалет по длинному холодному коридору в сопровождении злой санитарки. Дверь без щеколды и вечный окрик: «Быстрее давай!» Я улыбаюсь тому, что кошмар закончился, разглядываю пассажиров от нечего делать.

Толстенный дядечка занимает полтроллейбуса, похтит, отдувается, вытирает пот со лба. Он совсем придавил к стенке худую серую тётку, устало и обречённо смотрящую в одну точку. В глаза бросается чья-то спина в возмутительно красном засаленном пальто. Волей-не волей разглядываю грузную женщину. О господи! Это красное привидение безо всяких сомнений процедурная сестра из психушки! Та самая, которая так явно напомнила мне палача. Она стоит спиной, видеть меня не может, но у меня сердце выпрыгивает со страху. А вдруг... Жду остановки, как спасенья, а троллейбус всё едет, едет. Наконец он замедляет ход, останавливается, двери открываются. Ура! Я пулей вылетаю на остановку.

Двери закрываются, транспорт движется дальше, увозя грозную медсестру. Я топчусь на месте, не зная, ждать следующий троллейбус или отправляться пешком. До дома ещё далеко, я остаюсь ждать. Время идёт, холод и сырость подстёгивают моё нетерпение. Выглядываю на дорогу, в пределах видимости нет ничего похожего на нужный мне транспорт. Решено! Уж лучше топтать пешком и двигаться, чем стоять и замерзать здесь.

Я сворачиваю с центральной улицы, срезаю путь через дворы. Я ещё не разобралась, происходит ли всё наяву или во сне. Только что мне показалось, что происходящее реально, и я вполне владею ситуацией, как реальность снова от меня ускользает. Ну не бывает такого на самом деле!

Я шагаю через незнакомый двор, аккуратно обходя лужи и грязь, только смутно представляя, куда я должна выйти. Двор самый обыкновенный: старые дома, кривые голые деревья, поломанные лавочки, собаки, голуби... и конь. Хороший такой конь, красивый, рыжий. Помнится, такая масть называется гнедой. Откуда мне это помнится?! Я опять решаю, что всё происходящее – это только сон, и успокаиваюсь. Действую, как в голову взбрёт.

На этот раз мне взбрело не благоразумно пройти мимо, а направиться прямёхонько к коню. Странная фантазия. Ведь я всегда боялась лошадей.

Видимо не всегда! Я сама с удивлением наблюдаю, как подхожу к коню, смело глажу его по шее. И даже не удивляюсь, когда он тянется ко мне как к старой знакомой. Дальше я сражаю себя наповал. Я или не я, а то, что мною

движет, опирается ногой на кривой пенёк, легко и весело вскакивает на спину коню. Мало того, что я никогда в принципе не была способна на подобное безумство. Так ведь на коне нет никакой сбруи. Я ничего не понимаю. Сон, просто сон! Честное слово, я бы не удивилась даже, если бы осёдланный мною гигант повернулся и представился по-русски или, скажем, по-английски:

– Hi, my name is Dick.

Понятия не имею, как можно заставить лошадь двигаться. Тем не менее, я что-то делаю, и огромная, чудовищно сильная зверюга покорно и плавно двигается в ту сторону, куда мне и нужно.

Сижу, раскачиваюсь, боюсь, размышляю о том, что окончательно спятила, и еду себе, еду. Один двор сменяет другой, мы уверенно приближаемся к моему дому. Только придётся выбраться из дворов и пересечь центральную улицу. Странно, я всегда полагала, что кони боятся машин, а рыжий абсолютно спокоен, словно всю жизнь прогуливается по городу.

Если бы я спала, я бы сразу проснулась! Оглушительный милицейский свисток пугает меня до полусмерти.

– Сержант Попелев, – представляется низенький круглый гаишник.

Тут мой конь громко, хамски ржёт.

– Ну, что вы смеётесь? – обижается сержант. – Моя фамилия происходит от настоящих польских королей! А вы чего нарушаете?! – приосанился царственный постовой.

– Я? А что нельзя? Я не знала, – мямлю я, слезая с тёплой конской спины.

– Нарушаете! – грозно повторяет потомок польских королей.

Пока я лихорадочно соображаю, что денег на штраф у меня всё равно нет, конь сам решает возникшую проблему. Он не выслушивает длинную речь сержанта о том, какие пункты и параграфы мы нарушаем, и просто скачет обратно во дворы, откуда и появился. Когда животное исчезает из вида, похоже, не мне одной кажется, что его и не было. Сержант прокашливается, делает под козырёк и поворачивается ко мне спиной. Окружающая меня реальность закачалась и стала медленно покрываться рябью, как вода в пруду от дуновения ветерка...

Глава десятая **СМЕНА ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ**

Я просыпаюсь, но медлю, боюсь открыть глаза. Вдруг всё: и побег, и автобус, и конь – было только сном. И, открыв глаза, я опять обнаружу, что по-прежнему нахожусь в больничной палате. На всякий случай, сначала принохиваюсь. Запахи вокруг незнакомые, но на больничные совсем не похожи. Я решаюсь открыть глаза.

– Господи боже, да что ж это такое?!

Я не в больнице, но я и не дома! Где я?! Двухспальная кровать, чужая комната, незнакомая обстановка. Шкаф, тумбочки, круглое зеркало, жёлтые шторы. Открывается балконная дверь, шторка отодвигается, в комнату вваливается абсолютно незнакомый мужик в семейных трусах и

тапочках. Судя по сильному запаху, на балкон он выходил покурить. Мужик гнусно усмехается, подмигивает мне и произносит:

– Головка-то бобо.

Я хочу в ответ сделать энергичное отрицательное движение головой и понимаю, что он прав. Голова трещит невероятно. Мужик тем временем чешется весьма неэстетично и тащится вон из комнаты. Я тем временем осматриваю себя. Руки, ноги при мне, синяков нет. Одежды тоже. Джинсы, футболка, лифчик – всё валяется на полу, разбросаны между дверью и кроватью.

– Неужели я... с ним... – возмущаюсь я вслух.

Меня никто не слышит и не дает ответа на мой отчаянный вопль. Я опасливо выбираюсь из-под одеяла, насколько могу быстро натягиваю одежду. И как ошпаренная вылетаю из спальни. Сразу оказываюсь на крохотной кухне. За столом, подперев рукой голову, сидит всё тот же мужик и, по-прежнему гнусно ухмыляясь, сообщает:

– Ты правильно сделала, что не стала ждать кофе в постель. Кофе нет. Будем пить чай.

Не хочу я с ним ничего пить! Хотя от кофе я бы не отказалась, уж больно голова болит. Но именно кофе нет! Хочется кого-нибудь убить, но, больше не способная на резкие действия, я бессильно опускаюсь на табуретку. Где-то назойливо шумит вода, когда этот звук прекращается, даже в голове светлеет. Дверь рядом с кухней открывается, я не свожу с неё глаз, ожидая всего чего угодно. Из ванной комнаты, завёрнутая в полотенце, с мокрыми волосами неспешно выплывает соседка Зинка.

– Я смотрю, ты с моим Колькой уже познакомились, – весело замечает она, закручивая длинные волосы в полосатое полотенце.

Зинка плюхается на табурет, машет рукой, словно муху прогоняет.

– Коль, иди погуляй! Нам с Лизой надо посеCRETничать.

В очередной раз гнусно усмехнувшись, тип в семейных трусах неспешно удаляется из кухни. Из соседней комнаты сразу начинает орать телевизор. Зинка смотрит на меня с видом заговорщицы, подмигивает, спрашивает лукаво:

– Рассольчику хлебнёшь?

– А надо?

– Надо, Федя, надо!

Она достаёт из холодильника литровую банку с мутной жидкостью, наливает полный стакан, протягивает мне. Я неохотно беру его, начинаю пить давно проверенное средство от головной боли после вчерашнего. И память покорно возвращается. Я вспоминаю всё. И сразу жалею, что вспомнила.

...расставшись с царственным гаишником и оставшись без лошади, я сразу чувствую, как сильно успела промёрзнуть в своей тоненькой курточке, и быстро, насколько хватает сил, бегу домой. Благо теперь уже совсем близко. Я залетаю в подъезд, не хочу даже пользоваться лифтом,

несусь через две ступеньки, чтобы согреться. Возле родной двери успеваю порадоваться, что не послушалась Маринку и взяла с собой ключи. Отпираю замок, захожу. В квартире совсем тихо. Видимо, Серёга ещё на работе. Только в ванной противно капает вода. Терпеть не могу этот звук! Едва успев разуться, топаю закручивать кран.

Распахиваю дверь в ванную и застываю, разом лишившись даже речи. Передо мной разворачивается сцена из голливудского фильма: в благоухающей ванной, наполненной белоснежной пеной и алыми цветочными лепестками, закрыв глаза, нежится роскошная блондинка.

Я уже открываю рот и набираю воздуха, чтобы наброситься на неё с расспросами, когда из воды выныривает Серёга. Мой Серёга! Как я могла его не заметить сразу?! Он тупо хлопает глазами, что-то мычит. Что бы вы сделали на моём месте? Я выскочила из ванной, хлопнула дверью и закрыла защёлку снаружи. Не хочу этого видеть, не хочу знать! Даже рядом находиться не хочу!

Я направляюсь в комнату, резко сажусь на диван, вскакиваю. Не могу сидеть! Они здесь сидели! Бегу на кухню. Они здесь ели! Они... здесь... в моей квартире... на моей кровати...

– У-у!! Гады! Ненавижу!

Из ванны долетает возня, пленники пытаются выйти.

– Лиз, открой!

– Фиг вам! И слушать не буду, и вообще уйду! Сидите там до второго пришествия.

Я методично обуваю один сапог, второй, застёгиваю. Беру с тумбочки ключи, выхожу и запираю за собой дверь, кладу ключи в карман.

«Ну, и что делать дальше?»

Я недолго мучаюсь этим вопросом, просто пересекаю площадку и нажимаю в соседский звонок. Если когда-то он имитировал птичьи трели, то теперь у него большие проблемы. Вместо мелодичных голосов птиц, из-за двери слышно противное козлиное блеянье. Открывает сама Зинка и спрашивает с готовностью скорой помощи:

– Что стряслось? На тебе лица нет!

– Серёга – гад! Сволочь!

Соседка ничуть не удивляется, впускает меня в квартиру, поддакивает:

– Все они сволочи!

– Стоило мне только уехать... он сразу... ты знаешь эту блондинку?

– Так она блондинка, – отмечает Зина, – значит, у тебя соперница. Этого следовало ожидать. Мужиков нельзя долго оставлять без присмотра.

– Меня не было всего несколько дней! – возмущаюсь я.

– Тебе срочно надо выпить!

– Зачем?

– Сразу полегчает.

Я верю её убеждённом тону, иду к ней на кухню и напиваюсь до беспамьятства. Стало ли мне легче? Не помню! Помню только, когда я пить больше не могла, Зина предложила лечь спать...

Воодушевлённая тем, что всё стало ясно, и пристыженная тем, что именно я вспомнила, прощаюсь с соседкой, отказавшись продолжить вчерашнюю оргию. Я возвращаюсь в свою квартиру, в надежде никого там уже не застать. Хотя совершенно не могу себе представить, как именно должны были выбраться из запертой ванной комнаты злополучные любовники. Опасаюсь, что дверь Серёга просто выбил.

Первое, что я замечаю, переступив порог, то, что дверь ванной всё ещё цела и широко распахнута. Иду дальше, цветы на кухонном подоконнике совсем завяли. Я поворачиваюсь к раковине, чтобы набрать воды и полить заморышей, и обнаруживаю, что раковина погребена под громадной горой грязной посуды.

– Вот уроды!

– Сейчас всё помою, – неожиданно раздается за спиной вкрадчивый голос Серёги.

Я резко поворачиваюсь к нему, замахиваюсь... От звонкой пощёчины мне становится легче. Он трёт щеку, делает вид, что очень удивлен.

– За что? Неужели из-за посуды?

– Да причём здесь посуда?! Не притворяйся идиотом! Я же сама всё видела.

– Видела что?

Почему-то его наивные глазки совсем не успокаивают. Я чувствую, что опять закипаю.

– Мой! – я властно указываю на гору посуды.

Серёга на удивление покорно приступает к ненавидимой им работе, а я начинаю допрос:

– Что это было?

Сожитель мой молчит, притворяется, что не расслышал меня. А я уже не могу остановиться:

– Давай-давай, соври мне что-нибудь! Ты опять чистил канализацию? А блондинка – слесарь из ЖЭКа?! Крутая у них теперь униформа. Зато удобно, стирать не надо!

Серёга только сопит, сосредоточенно намывает грязные тарелки. Я увлечённо перебираю варианты:

– Я понимаю, видимо, я не права! Блондинка просто твоя коллега по работе! Вы обсуждали годовой отчет, вода нужна была для конспирации, конкуренты замучили.

Наконец мой сожитель не выдерживает:

– Да не было ничего, не было! Тебе показалось!

– Показалась?! – взрываюсь я.

– Конечно, – он убийственно серьёзен.

– Скажи ещё, что блондинки вообще не было!

– Не было, – не моргнув глазом, заявляет Серёга.

– Так я её придумала?

– Не знаю, может быть, – мнётся Серёга. – Во всяком случае, здесь никакой блондинки нет! Нет и не было, хочешь – проверь!

– И проверю! – кричу я и несусь в ванную.

Само собой, я не нахожу ни малейших признаков недавнего происшествия. Их нет ни в зале, ни в спальне. Ни одного светлого волоска, ни забытой вещи, ни запаха чужих духов. Вдруг я неумолимо ярко представляю себя со стороны. Уже победивший посуду Серёга ходит следом. Я опять набрасываюсь на него:

– Прекрати делать из меня дуру!

Сожитель мой только плечами пожимает. Я резко сажусь на кровать, вскакиваю, снова сажусь. Серёга ещё смеет успокаивать:

– Не волнуйся, ты только что из больницы. Марина мне всё рассказала. Быстро тебя выпустили.

– Слишком быстро, ты даже любовницу спрятать не успел! – парирую я.

– Тише, тише, не надо волноваться.

Этими словами он меня окончательно допёк! Именно в этот момент я вижу на ковре один-единственный длинный золотистый волос. Всё! Конец моему терпению!

– Знаешь что, Серёжа, – начинаю я почти мягко, – иди к чёрту!

Он удивлённо хлопает глазами, не может поверить в то, что услышал.

– Иди к чёрту! – повторяю я. – С вещами на выход!

А в одиночестве есть масса приятного, я понимаю это, как только закрываю за Серёгой дверь. Боже мой, как он мне, оказывается, мешал всё это время! В квартире сразу как будто прибавилось воздуха. Больше никогда, никого сюда не пушу!

Истеричный звонок телефона нарушает моё недолгое спокойствие. Я забегая в комнату, хватаю трубку:

– Алло.

– Лиза, ты дома! – восторженно кричит в трубку Марина. – Это точно ты? Ты одна?

– Абсолютно, – радостно подтверждаю я.

– Ну, ты сволочь! Я тебя обыскала! Приезжаю в больницу, в палате только три дуры, а тебя нет. Спрашиваю, куда делась. Мне говорят – сбежала с какой-то малолетней Веркой. Куда – никто не знает. Звоню домой – трубку берёт какая-то девица, заявляет, что никакой Лизы здесь нет и не было. Я опять звоню, звоню, никто не отвечает. Где ты шлялась?

– Это длинная история, – успеваю вставить я.

– Так, – успокаивается Марина. – Сейчас я к тебе приеду. У меня тоже есть, что тебе рассказать.

В трубке раздаются гудки. Ждать Маринкиного появления мне долго не приходится. Уже минут через пятнадцать она появляется на пороге, невозмутимая и деловая, как всегда.

– Так, ставь чайник. На улице дикий холод. У меня зуб на зуб не попадает.

Заполучив чашку с горячим чаем и наворачивая ложкой вишнёвое варенье, Марина приступает к объяснениям:

– Я собственно тебя искала, чтобы сообщить, что волноваться тебе больше не о чем. Значит так, пострадавший, то есть труп, оказался наркоманом со стажем. Не удивительно, что ты так легко с ним справилась. Болячек у нарка было до чёрта. Патологоанатом даже сомневался, какая из них его доконала. Одно несомненно, твоя драка никакого отношения к этому не имела. Ты тут не при чём, поняла?

Я слушаю её слова как музыку, только становится обидно:

– Так что же, я зря торчала в психушке?!

– Твоё счастье, что только в психушке, а не в обезьяннике. За милую душу могли засунуть до выяснения.

– Спасибо, утешила, – язвительно отмечаю я.

Почему-то мне совсем не хочется выпрашивать подробности возможного пребывания в изоляторе временного содержания. Марина подытоживает выше сказанное:

– Дело закрыто за отсутствием состава преступления, так что можешь жить спокойно. Пока, – добавляет она по милицейской привычке.

Моя деловая подруга как всегда спешит, отказывается разделить со мной беззаботную радость освобождения. Ох уж эти мне вечно занятые люди! Я неохотно провожаю принёсшую хорошие новости Марину. Медленно закрываю за ней дверь и ощущаю, как нестерпимой тяжестью наваливается на меня усталость. Буквально ноги подкашиваются. Зря мне раньше не верилось, что душевные волнения отнимают силы почище любой работы. Из последних сил тащу себя до дивана и падаю. Как давно я не засыпала так безмятежно!

Сплю сладко, как в детстве, безо всяких снов и страхов. Даже телефонный звонок звучит как-то нежно и ласково.

– Я слушаю, – мурлычу я в трубку и слышу в ответ:

– Лиза, это Александр. Я рад вас слышать, как ваше здоровье?

Моё сердце обрывается и падает куда-то далеко вниз. Я не могу издать ни звука.

– Я звонил пару дней назад, ваш брат сказал, я уверен, что брат, муж совсем бы не стал со мной разговаривать. Он сказал, что вы заболели.

Какой же Саша умница! Сам всё так прекрасно объяснил! Конечно, муж не стал бы так с ним даже разговаривать, надеюсь, Серёга не наговорил лишнего.

– Сейчас уже всё в порядке, обыкновенный бронхит, – тороплюсь сообщить я. – Меня уже выписали.

– Это замечательно! – искренне радуется Саша. – Нам обязательно надо встретиться, потому что... Даже не знаю как сказать. В общем, я вижу вас там, где вас нет.

– Например? – с ужасом спрашиваю я.

– Везде и всюду, – беззаботно отвечает собеседник, – так когда мы можем встретиться?

Нет, так много счастья сразу просто не бывает. Я боюсь поверить, что всё происходит на самом деле. Честно говоря, совершенно забыв о гордости и хороших манерах, я готова крикнуть в трубку: немедленно, прямо сейчас! Александр галантно спасает мою репутацию:

– Наверное, сегодня вам неудобно, завтра я сам слишком занят, отец опять придумал какое-то мероприятие. Может быть послезавтра?

– Да, да, – радостно соглашаюсь я, не успев даже задуматься о необходимости наверстать пропуски в институте.

Но Александр, кажется, позаботился и об этом:

– Вечер у вас свободен?

– Да, да.

– Тогда, может быть, в шесть у поющего фонтана? Если это не слишком романтично.

– Романтики я не боюсь, я люблю романтику, – заявляю я, разом забыв, что всегда считала смешным и устаревшим всё романтическое.

До чего же медленно тянется день, посвящённый учебе. Мои институтские приятели, похоже, и вовсе не заметили моего долгого отсутствия. Хоть и делают вид, что волнуются и выспрашивают, что со мной могло случиться. Я отшучиваюсь. И мои не слишком правдоподобные ответы всех устраивают. Беру списать лекции и отправляюсь скучать домой.

Ожидание – худшее из зол на этой планете. Ну, может, не самое худшее, но почему-то ждать всегда так трудно! Ожидание чего-то хорошего кажется бесконечным, зато неизбежные неприятности всегда приходят слишком быстро. Скорее всего, рассуждаю я чересчур наивно и меня легко упрекнуть в незнании жизни, но по-другому я пока не умею. Изо всех сил стараюсь не думать о предстоящей встрече, а сердце то и дело бешено бьётся от надежд и предчувствий.

На следующий день, с самого утра, начинаю готовиться к встрече. Какой тут институт?! Учёба забыта и заброшена, заслонённая мечтами и волнениями. Я влюблена по самые уши! Клялась, божилась, что уж со мной-то этого не произойдет, зло смеялась над подружками, потерявшими голову, казалась себе умнее их. И вот тебе, пожалуйста, не могу больше ни о чём думать. Всё на свете стало для меня абсолютно неважно. Чувствую себя глупой и счастливой! Ой, мамочки!

Никогда еще я не подходила так тщательно к выбору одежды. Сегодня я должна выглядеть на все сто! Куртку – в космос! Достая из шкафа новенькое элегантное пальто, подаренное родителями. И почему оно мне так не нравилось?! Сапоги выбирать не приходится, всё равно единственные. Начинается самое трудное – скорее всего, на улице мы торчать не станем, благо совсем рядышком с фонтаном есть вполне приличное кафе. Боже, что

мне надеть?! С джинсами всё понятно, а свитерок? Достану из шкафа и кидаю на кровать вещи. Белый, жёлтый, синий – всё не то!

Глава одиннадцатая ЗНАКОМСТВО С КРОХОЙ

Опять! Опять я всё делаю неправильно! Надо было бы вести себя легкомысленно и загадочно, как настоящая барышня и чуть-чуть опоздать на первое свидание. А я не выдерживаю и прихожу намного раньше. Честное слово, я прилагала массу усилий для того, чтобы потратить больше времени на сборы, но это оказалось совершенно невозможно!

И вот я, как настоящая дура, стою, мёрзну возле давно не работающего фонтана, разглядываю его абсолютно безобразную без воды конструкцию. Ещё совсем недавно летнее солнышко золотило весёлые струи, поднимала радуги над брызгами. Все радовались красоте и прохладе. Теперь я заглядываю в пустой бассейн, из которого уродливо торчат трубы, вижу окурки, мятые бумажки, бутылки, шелуху от семечек, важного воробья, снующего среди мусора. Настроение гадкое, как фонтан осенью. Я абсолютно уверена, что никто не придёт, я зря здесь торчу и смотрю на часы.

Вот Александр опаздывает уже на целую минуту!

– Простите, если я опоздал. Часы безнадежно стоят, – сразу начинает с оправданий Саша.

Я глупо улыбаюсь, счастливая, что моя уверенность меня обманула.

– Вы, наверное, уже давно ждёте? – сочувственно спрашивает он.

Как пить дать – заметил мой красный нос. Зря я припёрлась так рано. Надо было бы всё-таки опоздать, не была бы сейчас такой окоченевшей.

– Сегодня очень холодно, нам срочно нужно в тепло, я так замёрз, – заявляет Александр.

Что-то не похож он на замёрзшего, даже куртка распахнута. Приятно всё-таки иметь дело с вежливыми людьми.

– За углом есть приличное кафе, – радостно сообщаю я, – идём туда.

Наверное благодаря холодному ветру, простенькое кафе полно посетителей. Мы с трудом находим свободный столик, здесь светло и тепло, на этом достоинства этого места заканчивается. Потолок и бежевые стены давно просят ремонта, щетинятся старой краской, квадратные столики явно много повидали на своем веку. Получив чашку обжигающего горячего кофе, я вцепляюсь в неё обеими руками, ладони быстро согреваются, и каждый глоток, возвращает меня к жизни. Вот я уже в состоянии заметить, как ещё много вкусного расставляет Саша на столике. Теперь надо что-то говорить. Но всё моё остроумие улетучивается. В панике я набиваю рот пирожными. Это хоть как-то объясняет моё молчание. Сижку, жую и слушаю:

– А я точно знаю, что будет дальше! – заявляет мой спутник.

– И что будет? – чавкаю я.

– Сейчас я не выдержу, выболтаю вам все свои тайны. Вы решите, что я сумасшедший, придумаете благовидный предлог и сбежите.

– Не сбегу! – уверенно заверяю я, логично полагая, что после побега из психушки, не имею права никого осуждать. – Начинайте.

Я элегантно вытираю рот салфеткой, подпираю голову рукой, готовлюсь выслушать невероятную историю.

– Заберите у меня котёнка, – очень неожиданно просит Саша.

– Какого котёнка? – не понимаю я. – Вам не нравятся котята?

Подобного поворота я никак не ожидала. Я-то уже приготовилась к замысловатому повествованию о романтических тайнах, в духе моих собственных снов. И вдруг какой-то банальный котёнок.

– Только не смейтесь, но этот котёнок – главная моя проблема. Дело в том, что моя матушка заделалась директором кошачьего клуба. Она буквально помешалась на своих кошках, – торопливо объясняет Александр, – теперь всем, кто ей хоть немного симпатичен, она дарит породистых котят. А мне, как самому симпатичному, – усмехается мой собеседник, – на днях она вручила уже второго. Мало мне одного, огромного толстенного английского кошака, противного, капризного, так на холодильнике сидит и дрожит крохотное, худое чудовище.

– Почему чудовище? – возмущаюсь я.

– Вы только представьте себе этого «дымчатого сфинкса»!

– Как я могу себе представить то, что никогда не видела?!

– Ваше счастье, – воодушевляется Саша, – он абсолютно лысый, морщинистый, худой, ушастый, дрожит и громко орёт.

– Бедный, – сочувствую я, то ли котёнку, то ли его новому хозяину.

Зачем я это только сказала?! Александр понял моё сочувствие, как готовность помочь.

– Так вы его берёте? – радуется он.

Я возмущена! Так он позвал меня в кафе, только для того, чтобы сплавить облезлую кошку?! До чего же мне везёт на дурацкие ситуации! Нет! Ни за что не буду ему помогать!

– Хорошо, хорошо, я возьму котика, – нежно улыбаюсь я. И сама себя ненавижу за такую вопиющую беспринципность.

– Ой, как здорово! – ликует Саша. – Мать говорила, что эта порода страшно дорогая, но если я перепродам её подарок, сразу стану врагом номер один. Я подарю вам это чудо природы... только при одном условии.

– Ещё и условия? – вслух возмущаюсь я.

– Только самое маленькое, давайте перейдём на ты.

Ура! Котёнок – это только предлог, нейтральная тема для разговора. Я готова прыгать от радости! Сразу забываю про всех котят на свете – и лысых, и лохматых. Я так счастлива, что вся моя молчаливость тут же улетучивается. Мне хочется смеяться и болтать глупости...

Неожиданно всё освещение разом гаснет. В помещении маленькие окна, но и они не дают света. На улице не видно ни одного фонаря. Всё тонет в ночном мраке. Я пытаюсь крутить головой, смотреть по сторонам – и не вижу буквально ничего. Кругом чёрная-чёрная тьма. Не надеюсь

разглядеть что-то новое, я задираю голову к потолку и разеваю рот от удивления. Успеваю порадоваться, что меня никто меня не видит. Я вообще больше не знаю, где я и что со мной происходит. Над моей головой поднимается бесконечная высь ночного неба. Из страшной дали подмигивают яркие, как бывают только за городом, звёзды.

– Какой удачный оптический эффект, – произношу я, – никогда раньше не замечала ничего подобного.

– Мать честная! – раздаётся в ответ весёлый мужской голос. – Заморыш умеет разговаривать! Чего-чего ты там лепечешь?

– То, что мы перешли на ты, не значит, что можно начать грубить! – взвизгиваю я и не узнаю своего голоса. – Что вообще происходит?

Постепенно до меня доходит странная истина, что всё: тёплое кафе, первое свидание с Александром, пирожные – куда-то испарилось. Окончательно замёрзшая, в одной очень длинной полотняной грубой рубашке, я сидела скукожившись на куче сырой соломы, между какими-то заборами. Вокруг царил непроглядная мгла. Совсем смутно я различила рядом силуэт того здоровяка с телеги, вёзшей нас на казнь. Он громко хохотал надо мной:

– Вы на неё только посмотрите! Вот и спасай таких, сейчас она заявит, что ничего не помнит.

– Я действительно ничего не помню, – сказала я несмело.

– Ну, вот вам, пожалуйста! Где, интересно, ты была, пока мы убегали от погони? Вернее, пока я убегал от стрел и пик, а ты как тряпка болталась у меня на плече.

– Я? Болталась?

– Нет, гордо висела – вниз башкой и вверх костлявой задницей!

Я почувствовала, как краснею, постаралась плотнее закутаться в свою рубашку. Ткань предательски затрещала, грозя сползти с плеч.

– Боже мой, что теперь стало с моей козочкой? – почему-то воскликнула я, сама не понимая, о чём спрашиваю.

– Какой ещё козой? – растерялся громила.

– Не помню, – прошептала я и потупилась.

– Молчишь, цыпленок. Ну, молчи, молчи! Мне нужно подумать, что делать дальше.

Я стараюсь исполнить приказ громилы, молчу. В это время с тёмных небес начинает накрапывать мелкий промозглый дождик. Я этого не выдерживаю. Опять подаю голос:

– Давай где-нибудь погреемся.

– А то я без тебя бы не догадался! – опять захохотал громила. – Так бы и остался здесь зимовать!

– Не надо! – жалобно пискнула я.

– Ух, ты! Кузнечик умеет чирикать, – радуется мой спаситель. – Ну, пошли.

Моя рука тонет в его ладони, он тянет меня куда-то вперёд. Я осторожно переступаю босыми замёрзшими ногами, спаситель сердится:

– Ты называешь это – ходить?! Муравьи быстрее ползают.

Меня опять безжалостно взгромоздили на плечо, и мы стали очень быстро двигаться в кромешной темноте. Мне не видно абсолютно ничего. Я принялась стучать кулаками ему в спину.

– Стой, стой немедленно! Куда мы идём?

Верзила долго никак не отвечал, потом буркнул грозно:

– Молчи, заморыш!

Однако мы остановились, и я вновь оказалась на ледяной земле.

– Пришли, – коротко сообщил мой спаситель.

Пришли мы к большому мрачному сараю, зажатому между двух домов. Я сразу юркнула внутрь, под крышу. Там оказалось удивительно тепло. Пространство занимали огромная куча свежего сена, разобранный телега, сваленный в углу домашний скраб. Я сразу устроилась на сене, укрылась валявшейся рядом шерстяной попоной. Мне стало тепло и уютно, захотелось даже напевать беззаботную песенку. Верзила нарушил мой безмятежный покой.

– Тихо, ты! – грозно зашипел он. – Услышат!

– Кто услышит? – наивно спросила я.

– Они! – махнул он рукою в сторону входной двери.

Песенка моя оборвалась сама собой. Настежь распахнув широкие ворота сарая, наполнив его ярким светом факелов, перед нами толпились вооружённые люди. В следующее мгновение совсем рядом со мной просвистело брошенное копьё. Я сжалась под попоной, отчаянно надеясь, что меня не заметят. Мой спутник не мог рассчитывать на такое же везение. Я выглянула в дырочку попоны, от факелов в сарае было светло как днём. Мне было прекрасно видно, как мой спаситель схватил брошенное копьё и метнул его обратно. Один из нападавших упал, в нашу сторону полетело сразу несколько копий. Гигант ловко уворачивался, потом повалил одного парня и отобрал у него факел. Длинная горящая палка послужила ему отличным оружием, пока его не окружили. Вокруг него было слишком много людей со злыми лицами, пиками и луками. В воздухе мерзко зазвенели стрелы, я в ужасе зажмурилась...

Всё стихло невероятно быстро. Из моей дырки опять была видна только темнота. Я высунула голову из-под попоны, вокруг никого не было. Я осталась совсем одна!...

Когда в кафе включился свет, вид у меня, наверное, ошарашенный. Какое-то время я ничего не понимаю, озираюсь, потерянная. Всё на своих местах: кафе, посетители, столики, мои пирожные. Напротив меня сидит Александр. Только и он выглядит растерянным.

– И долго не было света? – зачем-то осведомляюсь я.

– Не знаю, – пожимает плечами Саша.

– А кто знает? – раздражаюсь я.

– Она, – указывает Александр на уборщицу с огромной шваброй.

Тётка слышит разговор и дико на нас косится.

– Какой свет?! – грубо возмущается она, не переставая тереть пол. – Свет, между прочим, у нас всегда без перебоев!

Подробный разбор происшествия я обалдело откладываю до возвращения домой. Во-первых, родные стены помогают думать, во-вторых, рядом с Александром думать я вообще не могу! Да и отвлечься на размышления мне собственно некогда. Саша банально вежливо провожает меня до ближайшей остановки, мы банально прощаемся, и оригинальным остаётся только напоминание о несчастном лысом котёнке. Складывается впечатление, что мы оба спешим остаться в одиночестве. Кажется, нам обоим есть о чём подумать или... мы торопимся закончить то, что больше не должно повторяться.

Уже сидя с ногами на родном диване, я гадаю о настоящей причине того, что свидание закончилось так бестолково. Обидно до слёз! Чтобы перестать расстраиваться, я стараюсь сосредоточиться на непонятном мне отключении света. Что это было?! Ситуация кажется мне знакомой. Где-то уже появлялся этот громила и... неужели всё это было только во сне? А все ощущения кажутся такими знакомыми и настоящими, а какие сильные там чувства! Я даже не пытаюсь ответить себе на вопрос – где это «там»? В далёком средневековье, в прошлой жизни, в мечте? Одно открытие заставляет моё сердце бешено биться. Я сама себе не хочу верить в то, что спасший меня «там» громила чем-то похож на Александра. Внешнего сходства нет и в помине, а вот голос... что с ним стало? Убили или он опять сбежал? Вот бы узнать!

Интересно, каким образом можно вызвать эти видения? Задавшись этим вопросом, я уже не могу спокойно сидеть на диване, вскакиваю и хожу по комнате. Вдруг меня осеняет:

– Свет! Надо погасить свет!

Я бросаюсь к выключателю и решительно лишаю себя освещения. В комнате мгновенно воцаряется темнота, но фонари за окном не гаснут, я прекрасно различаю очертания своей мебели, а средневекового сарая нет и в помине! Ничего таинственного не происходит. Я жду минут пять, чувствую себя человеком «частично вменяемым», как выражались в психушке, и решительно включаю яркий свет.

Вся моя жизнь вдруг представляется ужасающе пресной и предсказуемой. Последнее время, конечно, произошло много неожиданного, но это всё не то – не красиво и не романтично. Машины, менты, психушка – нет, совсем другого просит душа! Я всерьёз задумываюсь, чего именно мне хочется. Воображение охотно рисует тёплое море, белые паруса, влюбленного принца. Почему-то опять вспомнились мои средневековые виденья. Хочу «туда!» «Там» всё как-то иначе! Не то, чтобы мне сильно понравился мой спаситель, но что-то в нём есть!

Подобные размышления не оставляют меня весь остаток вечера. Телевизор включать не хочется, сидеть без дела, просто так не в моих правилах. Я пылесосу, вытираю пыль, мою пол, в голове всё крутятся

возможные продолжения примерещившейся мне средневековой истории. Удалось верзиле спастись или нет? И что стало с «заморышем», то есть со мной? Вот бы узнать!

С этой мыслью я засыпаю. А снится мне всякая чушь! Пьяные электрики, африканские страусы и что-то похожее на лифт. Я просыпаюсь разобиженная, сажусь на кровати, смотрю на будильник. До подъёма в институт остаётся всего час. Я нащупываю ногами тапки, тащусь на кухню, пью воду, жду чего-то и, наконец, решительно возвращаюсь назад, в постель.

Опять просыпаюсь от жуткого холода, верзила грубо стянул с меня попону. Я смотрела на него во все глаза и ничего не могла понять. Откуда взялся рыжий жеребец. Он уже принялся бесцеремонно жевать сено подо мной, когда я рассмотрела сидящего на нём всадника, и счастливо заулыбалась.

– Откуда у тебя конь? – удивлённо спросила я.

– Спёр! – гордо заявил громила.

– Воровать не хорошо!

– Знаю, Заморыш, знаю, – отмахнулся мой спаситель, – но иногда это абсолютно необходимо. Разве ты никогда не брала чужого, Заморыш?

– Чужого я никогда не брала и не называй меня заморышем, – слабо возмутилась я.

– Интересно, и как же мне тебя называть: мадмуазель Плохие Дрова, Худой Вездомочкой или ещё как-нибудь?

– Я Грета Анхель Фридерика, – обиженно буркнула я.

– Лучше я буду звать тебя Заморышем, – хохотнул верзила.

– А мне как тебя называть: Городской Башней или Громилой? – постаралась его зацепить я, да не тут-то было. Он опять рассмеялся:

– Зови меня Крохой, я не против!

– А имя-то у тебя есть? – не отставала я. – Как тебя нарекли при крещении? Ты вообще крещённый?

«Кроха» не стал мне отвечать.

– Нашла время разговоры разговаривать. Надо сматываться отсюда! Полезай на коня!

Я так и сжалась от ужаса. За всю свою жизнь я близко к этим монстрам не подходила и всегда удивлялась, как мужчины с ними справляются. Я затотала отрицательно головой, попыталась снова завернуться в попону.

– Ни за что!

– А я тебе ничего и не дам, – заявил верзила, – я специально за тобой вернулся и всё равно тебя отсюда увезу! Хочешь ты этого или нет.

Он опять наклонился с коня, сгрёб меня и посадил перед собой. Я только успела схватить и прижать к себе попону. Этот «Кроха» так со мной обращался, что я чувствовала себя маленькой и лёгкой, как птенчик. Сидеть на спине коня было так страшно, так высоко, но тепло. Спаситель очень крепко держал меня, опять завернув в мою попону. Так что я быстро согрелась и

успокоилась. Так мы, низко наклонившись вперёд, проехали через широкие ворота сарая; конь размеренным шагом нёс нас куда-то в ночь.

Глава двенадцатая ЖИВУ «ТАМ» И «ЗДЕСЬ»

Нет! Только не это! Ну, зачем так торопиться?! Верзила заставил коня бежать быстрее, потом ещё быстрее, так что ветер засвистел в ушах. Мне опять стало холодно, то ли от этого ветра, то ли от страха. Я уже устала бояться!

– Какой ужасный день! – вырвалось у меня. – Всё не так!

– Лучше было бы, если б тебя сожгли?! – громко удивился громила за моей спиной.

– Нет, я совсем не то имела в виду, – в отчаянии всхлипнула я, – я хочу домой!

– Отличная мысль, а где у Заморыша дом? – деловито спросил «Кроха».

– Не знаю...

– Очень мило, – выдохнул верзила.

Мне показалось, что он рассердился, и я стала торопливо оправдываться, от страха проглатывая слова:

– Я жила в деревне, а здесь город... инквизиторы схватили... ведьма... а я не ведьма, я в Бога верю! Они меня... я не виновата, я ничего не знаю...

– Всё понятно, – спокойно прервал мой сбивчивый рассказ «Кроха».

Неожиданно мы остановились, он слез с коня, поставил меня на холодную землю и сразу обо мне забыл, занявшись своим рыжим жеребцом.

– Эй! – решила я напомнить о себе.

– Не шуми.

– Не оставляй меня одну, не буду шуметь. И вообще – скажи, как тебя зовут на самом деле.

– Ух, ты! А цыплёнок-то оказался капризным.

– Я не цыплёнок, у меня есть имя!

– И не одно, а сразу три. Кстати, зачем тебе столько?

– У нас в деревне считают, что если у человека много имён, смерть запутается в них и долго не сможет его забрать.

– Судя по всему, твоя смерть уже запуталась. А я прозываюсь просто Гансом и надеюсь только на себя. Пока я и сам неплохо убегаю от своей смерти.

– Ганс, – задумчиво повторила я, – объясни мне теперь, Ганс, куда ты меня притащил?

– Это стройка проклятого дома, – охотно принялся рассказывать он, – говорят, каждый хозяин, который пытается его достроить, умирает как-нибудь странно. Первый его хозяин повесился после того, как перехоронил всю семью. Второму на голову упал кирпич, третий...

– Хватит, хватит, пошли отсюда! – потребовала я, но Ганс и не думал меня послушаться.

– Никуда мы отсюда не пойдём. Переждём здесь ночь. Нам обязательно надо выбраться из города, но до утра ворота закрыты. Подожди меня здесь, пока я раздобуду нам приличную одежду. А то в таком виде нам открыта дорога только обратно на костер.

Ганс так быстро убежал, что я даже не успела заметить, куда он делся. Я стала крутить головой по сторонам. Из темноты выступали только недостроенные стены, торчащие балки, никуда не ведущие лестницы, пустые амбразуры окон. То ещё местечко! Осторожно в темноте ступая по битому кирпичу, я двинулась вдоль самой длинной стены, надеясь отыскать для себя укромный уголок, но ничего не напоминало уютного местечка. А я так устала скитаться, мёрзнуть и бояться!

Странный этот Ганс, рассказал мне жуткую историю, бросил одну и надеется, что я буду спокойно сидеть и ждать одна. Показал хотя бы, куда он дел своего рыжего монстра. Конь тихонько заржал, словно услышав мои мысли. Я пошла на ощупь к единственному живому существу, оказавшемуся рядом. Жеребец неплохо устроился: Ганс нашёл для него почти достроенную комнату, в ней были все четыре стены, пол второго этажа образовал потолок, из узкого окна почти не дуло.

– Вот она, мужская логика, – вслух воскликнула я, – коню удобную комнату, а меня бросил чёрте где!

Даже жеребец согласно закивал. Воодушевлённая его поддержкой, я решила подойти совсем близко и прижала окоченевшие руки к его горячему боку. Животное строго покосилось на меня и терпеливо вздохнуло. Набравшись смелости, я всем телом прильнула к коню. Наконец-то мне стало хорошо.

– Вы на них посмотрите! – засмеялся над нами неожиданно возникший Ганс.

Ему было от чего веселиться, он подбоченясь стоял передо мной обутый в отличные башмаки и одетый по погоде, в тёмные штаны и куртку. У нахала даже был плащ с капюшоном.

– Я тоже хочу, – жалобно вздохнула я.

– На! – просто ответил Ганс и швырнул мне кучу вещей.

Я с лихорадочной поспешностью бросаюсь натягивать вещи, даже не пытаюсь определять цвета и фасоны. И успокаиваюсь, только закутавшись в длинный плащ. Похоже, что нахальный Ганс и не подумал отвернуться, пока я одевалась. Он насмешливо следил за моими неуклюжими движениями.

– Башмаки не жмут? – осведомился он.

– Жмут?! – переспросила я. – Я могла бы засунуть в один башмак обе ноги. Где ты только раздобыл такую огромную обувь?

– Где я взял, там её уже нет! – отмахнулся Ганс. – Но когда выйдем на улицу, ты плащ лучше не распахивай, уж слишком заметно, что ты вываливаешься из всех вещей.

Когда рассвело, мы сразу двинулись в путь, хоть мне очень не хотелось показываться на улице. Передвигаться мне было нелегко. Огромные башмаки слетали с ног при каждом шаге, слишком длинная юбка мешала идти, очень длинные рукава закрывали руки. Я прикладывала массу усилий для того, чтобы не потерять ничего из своего туалета. А противный Ганс вёл коня в поводу, заботливо накрыв спасавшей меня недавно попоной. Пожалуй, он был прав, его наряд мало подходил для благородного шевалье, а я ещё меньше напоминала благородную даму. Зато за парочку слуг мы вполне могли сойти.

Утренние улицы города были пустынные, каменные дома теснились единой стеной, все двери и деревянные ставни на окнах были плотно закрыты, не видно было даже вездесущих котов на остроконечных крышах. За всю дорогу нам встретилась озабоченная молочница и хмурый невыспавшийся угольщик. Спешащие по своим делам, они не обратили на нас никакого внимания. Несмотря на крайне узкую улицу, мы разминулись с ними вполне благополучно.

– Улыбнись, всё идёт прекрасно! – шепнул мне Ганс.

– А мне страшно, – призналась я.

– Не дрейфь! – подбодрил меня странным словом «Кроха».

Я продолжала борьбу с неудобной одеждой. И только у самых городских ворот поняла, что мы почти дошли. Мощёная брусчаткой улица впереди раздвигалась вширь и вся была запружена разночинным народом. Я с опаской смотрела по сторонам, стараясь не поднимать головы, чтобы меня не узнали. Хотя – кто мог меня узнать в этом чужом городе?! Но на всякий случай, я отчаянно боялась.

Стражники открыли широкие, оббитые железом ворота и внимательно рассматривали каждого, кто проходил мимо них...

Будильник, оглушительно гремя, рвёт реальность на куски! Ненавижу будильники!

Удивительно быстро просыпаюсь и начинаю соображать, и сразу меня настигает разочарование. Опять сон закончился на самом интересном месте. И сон какой-то дурацкий! Всё слишком банально и объяснимо. Конь, например, точно такой же, как попался мне наяву – громадный и рыжий. Ну ладно, снятся мне сказочки про средневековье, ладно. Ну, почему не рыцари, не турниры, не дамы в эффектных туалетах, не замки, в конце концов?! Что это за романтика: телега, холодный сарай, гнилое сено, а вместо красивых нарядов, чужие обноски?! Жуть!

В крайнем раздражении я начинаю сборы в институт. Разумеется, как всегда, начинаю не с того. Наверное с психу, мне крайне не нравится собственное отражение в зеркале. Я решительно хватаю тушь и принимаюсь зверски красить ресницы. Только завершив работу, соображаю, что так и не умылась. Это открытие застаёт меня врасплох, но идёт на пользу. Я перестаю суетиться.

Невероятно, но в институт я являюсь в срок и блистательно красивая. Всё идёт как всегда: лекции длинные, перемены короткие, только моих подружек

– ни Светки, ни Ленки – нигде не видно. Ленка – особа легкомысленная, азартная, всегда готовая как-нибудь повеселиться. Даже её мелкие кудряшки торчат во все стороны очень жизнерадостно. Хотя она не устаёт жаловаться, что причёска её раздражает; всё-таки эта персона обладает удивительной способностью устроить бурю в стакане воды и умудряется идти по жизни, не удостаивая своим вниманием серьёзные проблемы. Вследствие отсутствия привычных собеседниц, я начинаю слишком много думать. Разумеется, не на тему лекций. Сопромат, конечно, предмет важный. И нас заранее предупреждали, что сдать его так же трудно, как прыгнуть выше головы. Но не идут мне в голову все эти сдавливания, скручивания, воздействие H_2O и окружающей среды. Волей-неволей, я опять уношусь мыслью «туда».

Даже интересно, кто мне больше нравится – Александр или Ганс из моих снов. Фу, Ганс просто не может мне нравиться! Он такой грубый, неотёсанный. Безусловно, мне милее Александр, хотя бы потому, что он настоящий, живой. Живой... задумываюсь я. Странно, меня немного напрягает его вежливость, предупредительность и невозмутимость. В каком-то смысле «Кроха» из снов гораздо живее. Но грубость всё-таки отвратительна! Неужели то, что он мне приснился, означает что подсознательно, я хотела бы видеть своего мужчину таким. Боже упаси!

И вообще, хватить думать обо всей этой мистике! Чувствуй это всё! Сама себе напридумывала всякой ерунды, надо вернуться к реальности.

А в реальности продолжается лекция по сопротивлению материалов. Я старательно вслушиваюсь в слова преподавателя, но одно упоминание об «усталости металла» будит во мне нестерпимое желание зевать. Я еле дотягиваю до конца пары.

Свобода окрыляет! Усталость и сонливость мгновенно улетучиваются. Я быстрой и энергичной походкой покидаю наскучившие стены альма матер, резко открываю тяжёлую входную дверь. Едва ступив на старый уличный асфальт, я попадаю в объятия любимой подруги.

– Лиза, Лиза! Со мной такое случилось! – трясёт она меня как грушу.

Я сразу заражаюсь её настроением, начинаю волноваться и сопереживать.

– Леночка, на тебе лица нет, куда ты опять влипла?

– Точно, влипла! – признается Лена. – Но я не виновата! Я всегда, всегда их боялась!

– Кого?

– Это гипноз, я сама не своя, она меня заболтала.

– Да кто? Кто? Тебя ограбили?

– Нет, – начинает плакать Лена, – я сама ей всё отдала: и золотую цепочку, и сережки, и деньги!

– Отдала цыганке? – на всякий случай уточняю я.

– Да, – ревёт Лена, – я дура, просто дура!

– Подожди, где это случилось?

– Здесь, совсем рядом! На троллейбусной остановке.

– Идём!

Я хватаю Лену за руку, и мы бежим на остановку. Честно говоря, я сама ещё понятия не имею, что собираюсь предпринять, когда увижу цыганку. Абсолютно точно одно – драться я не буду. Зато моя подруга не знает сомнений, кажется, только пожаловавшись мне, она осознала всё случившееся и сразу поняла, что нужно делать. Теперь уже Ленка очень торопится и тащит меня за собой. Мы быстро пробегаем весь институтский переулок и выскакиваем на центральную улицу.

– Вон она! – восклицает Лена, указывая пальцем на стоящую к нам спиной цыганку.

Цыганка как цыганка, довольно молодая, в ярком неряшливо повязанном платке, с длинными чёрными косами, в мешковатой синей куртке и красной цыганской, широкой юбке. Она втолковывает что-то пожилой благообразной женщине. И не замечает нас до последнего момента. Когда Лена подлетает к ней, хватая за косы, и резко развернув лицом к себе, кричит:

– Верни, верни мне всё!

Цыганка дико пучит свои тёмные глаза, пытается освободиться. Стоящая рядом женщина трясёт головой, словно стряхивая наваждение, торопливо крестится и поспешно убегает, радуясь, что благополучно выбралась из щекотливой ситуации. А Лена всё кричит:

– Верни деньги, верни серёжки! Воровка!

– Какие деньги? Какие серьги? – пытается прикинуться простушкой цыганка.

– Мои серёжки – мамин подарок! – готова зарыдать Лена.

Цыганке удаётся высвободиться, и это придаёт ей наглости.

– Я вас впервые вижу!

– Ты врешь! Ты всё врешь!

– Я никогда не видела эту девушку, – доверительно обращается цыганка ко мне.

– Отдай ей всё! – для самой себя неожиданно уверенно требую я.

– Да не было ничего!

Мы шумим, препираемся, стоящие на остановке люди с интересом наблюдают за ходом сражения, даже проходящие мимо по улице оборачиваются, разглядывая нас. Само собой подобная реклама противопоставлена скрытной цыганской деятельности. Увлечённые спором, мы не замечаем, как к нам подходит важный немолодой цыган. Его дорогая одежда резко контрастирует с аляповатым нарядом цыганки. Невысокий крепкий мужчина одет во всё кожаное, чёрная куртка едва сходится на круглом животе. Он некоторое время стоит молча. Внимательно разглядывает нас с Леной, я ожидаю новых осложнений. К моему немалому удивлению он грубо хватая нашу обидчицу за руку и приказывает ей гортанно:

– Отдай!

Цыганка напускается на него, машет руками, кричит что-то на своём языке. Он только повторяет невозмутимо:

– Отдай.

Женщина спорит, что-то доказывает, тычет в меня пальцем, цыган тоже переводит на меня тяжёлый взгляд и совсем тихо произносит странную фразу:

– Дура, ты что, не видишь, кто она?!

«Дура» сразу всё понимает, нервно роется в своих карманах, покорно достаёт Ленкины серьги и цепочку, покопавшись ещё, находит деньги и отдаёт всё это ограбленной. Цыгане поворачиваются спиной, сразу забывают о нас и уходят. Лена ошарашена и счастлива. А я крайне озадачена. Секунду помедлив, я смело догоняю цыгана, хватаю его за рукав.

– Объясните мне, что вы имели в виду?

– Когда?

Он смотрит на меня удивлённо, явно не ожидал от славянской женщины подобной прыти. Но я уже полна решимости добиться ответа.

– Кто я? – настойчиво повторяю я, крепко вцепившись в кожаный рукав.

– Зачем тебе это?

– Хочу!

– Ладно, – неожиданно соглашается цыган, – ты и сама знаешь.

– Знаю – что?

– Ты слишком много помнишь и можешь жить сразу «там» и «здесь».

Вот и объяснил. То, что я так ничего и не поняла, – это ещё мягко сказано. Причём здесь цыгане с их воровством?! Чего ради цыганка должна была меня послушаться?! Странно это всё... или глупо.

На всякий случай я отцепляюсь от цыгана и делаю вид, что его ответ мне понятен. Возвращаясь к своей счастливой подруге, всё ещё держащей на ладони своё золото и не сводящей с него глаз.

– До сих пор не могу поверить, – признаётся она весело, – никогда не слышала, чтобы цыгане возвращали хоть что-нибудь!

Она решается-таки отвести взгляд от возвращённых ценностей, смотрит на меня и вопрошает:

– Ты чего как пыльным мешком ударенная? Да, и зачем ты бегала за цыганом?

– Сама не знаю, – пожимаю плечами я, – я вообще ничего не понимаю.

– А, наплрой, – жизнерадостно советует Ленка.

Я стараюсь следовать её совету, заражаюсь её легкомыслием и резко переключаюсь на решение сугубо материального вопроса: чего поесть и где это взять. Подружка моя, конечно, раньше собиралась побережь деньги на какую-нибудь крупную покупку, но, лишившись их и неожиданно обретя вновь, Лена превращается в невероятную транжиру. Давненько я не проводила столько времени в кафе и не поела за один раз столько вкусного.

Домой я заявляюсь уже в сумерки. Вваливаюсь в квартиру, усталая и довольная, включаю свет, телевизор, иду в ванную, откручиваю кран. Из-за шума воды и телевизионной стрельбы долго не могу сообразить, откуда исходит лишний, громкий настойчивый звук. Мокрыми руками хватаюсь за телефон, трубка выскальзывает... мне остаются только длинные противные гудки.

Глава тринадцатая ЗА ЛЮБОВЬ ГОНЧАРА

Будильник сломался! Неподвижные стрелки так и показывают три часа ночи. Я просыпаюсь бог знает во сколько, сладко потягиваюсь, сую ноги в тапки, медленно, сонно шуршу на кухню, включаю чайник. Просыпаться и становиться энергичной нет ни сил, ни желания. Сажусь на табуретку, довольно тупо наблюдаю, как закипает вода. За окном всё ещё темно, но спать больше не хочется. Наконец меня посещает желание выяснить, который час. На кухне часов нет, возвращаюсь в спальню, не включая свет, ищу свои наручные часы.

Я очень удивляюсь, поняв, что проснулась вовремя. Даже обидно, что вполне успеваю в институт к первой паре. Я уже сроднилась с мыслью об опоздании. Новая мысль окончательно меня расстраивает. Я вспоминаю, что по расписанию занятия сегодня со второй пары. Это просто возмутительно! Я же могла спать и спать!

В крайнем раздражении я режу хлеб, делаю бутерброды, жую.

– Ну, кого ещё черти принесли в такую рань?!

Ругаться мне хочется не оттого, что я не люблю гостей, а потому что из-за неожиданного звонка сильно прикусываю язык.

Рывком распахиваю дверь с перекошенным от боли лицом. Рычу нелюбезно:

– Проходи.

Странное дело, Светку такой приём вполне устраивает. Она вообще заходит какая-то странная: тихая, серьёзная, сосредоточенная.

– Что это с тобой? – не скрываю удивления я.

Света не отвечает, стягивает чёрное пальто. Одета она тоже как-то странно, нельзя понять в каком она настроении, экзотическое сочетание розового, жёлтого и тёмно-зелёного ни о чём не говорит. Только усевшись на диван с ногами, она решается открыть рот:

– Как у тебя со временем?

– Как раз этого у меня сейчас полно.

– Мне очень нужно... поговорить с тобой...

– Откуда такой трагичный тон? Брось! Давай будем пить чай и поболтаем обо всём, о чём тебе будет угодно.

Лицо подруги остается растерянным и непроницаемым. Я уже начинаю беспокоиться всерьёз. Сегодняшнее поведение совсем ей не свойственно. Неужели с моей расчётливой Светкой приключилось что-то серьёзное?

– Я не знаю, как ты к этому отнесёшься... – неуверенно начинает она.

– Так давай проверим, – весело предлагаю я.

– Да, ты обещала чай, – отвлекается Света.

Я отправляюсь на кухню, разливаю по чашкам горячий чай, достаю из холодильника любимое Светки варенье. Не переставая ломать голову о цели раннего визита подруги.

Моё недолгое отсутствие помогло Свете приготовить речь, она набирает побольше воздуха, чтобы начать выступление, но тут замечает

блюдечко с вареньем – и объяснения снова откладываются. Света аппетитно чавкает, на удивление не пытаясь вставить в трапезу ни слова. Молчаливость моей темпераментной подруги тревожит меня больше, чем любые слова. Институт пропускает, не звонит, не приходит.

– Ты опять влюбилась? – выдвигаю предположение я.

– И да, и нет, – уклончиво отвечает Света.

– Как прикажешь тебя понимать?

– Никита, оказался гадом, я встретила другого, но всё это не важно.

– Вот это да! – поражаюсь я. – Для тебя не важны твои мужчины?!

– Да ну их всех! – обижено отмахивается Света, – я пришла поговорить с тобой серьёзно, а ты смеёшься.

Только приговорив варенье, она берёт меня за обе руки, серьёзно смотрит в глаза, и заявляет загробным голосом:

– Прости! Из-за меня тебя сожгли!

– Где? Когда? – тупо спрашиваю я, обмирая от невозможного предположения, что и она может видеть мои сны.

Света смотрит на меня внимательно, проверяет, как я отреагирую.

– Я не знаю, как ты к этому отнесёшься...

– Я никак не могу относиться к тому, чего не знаю.

– Это только сон, но... – мнётся моя подруга, – там столько разных подробностей. В общем, чтобы долго не рассказывать, знаешь, я не мастер подбирать слова, эпитеты, я посидела, подумала и заранее всё изложила на бумаге. На мой взгляд, получилось совсем неплохо. На, читай.

Света суёт мне аккуратные тетрадные листы, исписанные её ровным почерком и даже украшенные по полям гламурными цветочками. Первую страницу занимает покрытое витиеватыми завитушками название:

РАЗБИТЫЙ КУВШИН

Дело было так: давным-давным-давно, веке так в пятнадцатом, жила и процветала одна красивая деревушка. Трудлюбивые жители обрабатывали землю, занимались своими ремёслами и проживали вполне благополучно, даже зажиточно. Чистенькие, нарядные домики вдоль ровной улочки, мельница, аккуратные заборчики, цветочки. Нищеты и грязи не было, ничто не нарушало спокойное и приличное течение жизни.

Молодая симпатичная девушка, с двумя соломенно-жёлтыми косами, румяная, в ярко-белой рубашке, в тёмной шерстяной юбке, не могла на себя налюбоваться. Она ловила своё отражение в воде полной до краёв кадushки, жеманно поправляла выбившееся пряди.

– Марта, хватит на себя пляиться! – прикрикнула на неё мать, высокая, грузная женщина с усталым лицом. Она даже слегка шлёпнула полотенцем по спине. – Налей лучше воды в кувшин.

– Сейчас, сейчас, – звонким голоском отозвалась Марта.

Она потянулась доставать большой пузатый кувшин с высоко висевшей полки. Невысокой девушке пришлось даже подняться на цыпочки. Одной

рукой достала до гладкого бока, пододвинула кувшин. Он закачался, накренился и, сорвавшись с полки, полетел вниз. Девушке казалось, что он падал медленно-медленно и вращался в воздухе, но она двигалась ещё медленнее, пытаясь поймать его. Сосуд выскользнул из пальцев, с громким тревожным звуком коснулся пола, ещё невероятно длинное мгновение оставался целым и вдруг раскололся. Марта беспомощно смотрела на черепки.

– Боже мой! Марта! Какая ты у меня растяпа! – запричитала мать. – Это был наш лучший кувшин.

– Придётся купить новый, – не особенно огорчилась девушка.

– Купить?! Как у тебя всё просто!

– Горшечник недавно перебрался к нам из города, теперь живёт в соседнем доме, даже на базар идти не придётся.

– Эх, молодость, молодость, – вздохнула женщина, – когда ж ты научишься беречь то, что есть?! Ну, что ж, иди к гончару.

Марту не пришлось просить дважды. Она даже черепки с пола не подобрала, заторопилась за новым кувшином. Не удивительно, ведь гончар Герман был молод и хорош собой.

Выбежав из своей калитки, Марта шла всё медленнее, не спеша подошла к распахнутой двери мастерской. С опаской заглянула внутрь и залобовалась работой мастера. На гончарном круге под ловкими руками Германа бесформенный кусок глины, как по волшебству, превращался в красивый округлый сосуд. Круг вращался, сосуд, словно живой, изменялся, сначала он походил на большую чашу, потом вытянулся, превратился в аккуратный горшочек. Мастер осторожно вытягивал, утончал его стенки. Но что-то не заладилось, и Герман смял глину, остановив круг.

Он был худощавый, с длинными руками, рыжеволосый, лукаво щурил весёлые серые глаза. Хоть они уже сталкивались много раз на улице, увидев Германа за работой, Марта сразу в него влюбилась.

Она решила подойти ближе, обвела взглядом всю маленькую мастерскую. Длинные полки вдоль стен были тесно заставлены горшками, горшочками, кувшинами, мисками и чашками. Никогда она не видела так много посуды. Даже у торговцев на рынке всегда было гораздо меньше товара. Герман смотрел на девушку насмешливо.

– Что, соседка, зашла поглазеть?

– Вот ещё, – смутилась Марта, – я к тебе по делу. Мне нужен новый кувшин.

– Выбирай, – Герман широким жестом указал на забитые полки.

– Здесь нет такого, – капризно заметила девушка, – мне нужен особенный.

– Только скажи, какой надо, сделаем, – рассмеялся гончар.

Марта напустила на себя важности, принялась подробно описывать, каким удивительным был разбившийся кувшин. Герман только улыбался, слушая её.

– Да вон же, точно такой, – указал он на полку, возле которой стояла Марта.

– Нет, нет, – запротестовала девушка, – мне нужен абсолютно новый.

Гончар согласился вылепить горшок специально для соседки, но и цену запросил особенную. Девушка легко согласилась, даже не подумав спросить разрешение у матери. Когда требовательная заказчица покидала мастерскую, в дверях она столкнулась с ещё одной соседкой Германа. Молодая пышногрудая Клара плыла, словно лодка под парусом, томным движением отбросила за спину толстые золотые косы, поправила на плечах белую косыночку. Сверкнула голубыми глазами.

«Принёс же её чёрт!» – про себя обругала соперницу влюбленная Марта.

Клара смерила соседку презрительным взглядом, и Марта бегом заспешила домой. Она не могла сдержать раздражения, бурчала на ходу:

– Ну чего же мне так не везёт?! Ну почему так совпало, что не замужем не я одна, а ещё столько девиц?! Бог со всеми остальными, не было бы только этой Клары! Был бы у неё хоть один недостаток! Лицо красивое, глаза большие, косы длинные, талия тонкая. Тьфу! Лучше б она хромала или была худая как дурочка Анхен!

В это самое время «дурочка Анхен» шла по деревенской улице, подгоняя прутиком свою тощую белую козу. Животное упрямылось, противно бляело, пыталось бодаться. Анхен совсем не была похожа на фигуристую Клару. Очень худая, длинная, тонкая как тростинка, девушка так и осталась нескладным подростком. Никому она не нравилась, и Марта не держала на неё зла. Соседки вполне любезно поздоровались и даже остановились обсудить деревенские новости:

– Ты слышала, что творится в соседней деревеньке? – обеспокоено воскликнула Анхен.

– Ужасно, – согласилась Марта, – хорошо, что у нас пока тихо.

– Слава богу, что инквизиция не добралась до нашей деревни!

– Говорят, доминиканцы¹ отцы-инквизиторы забирают всех красивых девушек, особенно рыжих.

– Забирают куда?

– Я слышала, их увозят в город и сжигают, как ведьм.

– Живьём?! – ахнула Анхен.

– Живьём, – подтвердила Марта и подумала зло: – «Вот бы они сожгли Клару!» – но тут же устыдилась этой мысли.

– Бедненькие, – посочувствовала добрая Анхен.

– Тебе не страшно? – доверительно спросила Марта.

– Очень страшно.

---

¹ *Доминиканцы – члены нищенствующего католического ордена, основанного в 1215 году испанским монахом Домиником. В 1232 году папство передало в ведение доминиканцев суд инквизиции. Ныне численность ордена составляет около 20 тысяч монахов и монахинь.

– Господи помилуй! – перекрестилась девушка.

Пока они разговаривали, худая коза убежала от хозяйки и вдалеке щипала травку. Спohватившись, Анхен торопливо простилась с соседкой и побежала догонять рогатую.

Едва проснувшись на следующее утро, Марта вспомнила вчерашний визит к Герману и счастливо улыбнулась. Она была готова бежать к гончару немедленно, но мать посмотрела строго и напoмнила об обычных утренних заботах. Марта всё делала небрежно и впопыхах, всё валилось из рук. Вода проливалась, цыплята разбегались, а гусак шипел и щипался. Зато прихорашивалась она долго и тщательно. Искала в сундуке новую юбку, чистую рубашку, заплетала косы, даже бусы нацепила как на праздник. Мать смотрела укоризненно, но понимающе молчала. Наконец, сочтя свой внешний вид безукоризненным, влюбленная девушка отправилась к гончару.

Взволнованная и счастливая она ступила на двор Германа. Мастерская по обыкновению была открыта, и Марта осторожно заглянула в дверь, прежде чем войти.

Герман был занят работой, опять вращал ногами гончарный круг, но он был не один, рядом стояла гордая и румяная Клара! У влюбленной Марты дыхание перехватило. Герман показывал девушке, какие чудеса может творить из обыкновенной глины. Он ловко вытягивал горлышко кувшина, пока оно не стало длинным и тонким, а весь сосуд удивительно стройным.

– Вот, – говорил он весело, – такие кувшины делают мусульманские мастера. У неверных есть удивительные умельцы.

– Как это ловко у тебя получается, – восхищённо вздохнула девушка.

– Хочешь сама попробовать?

Она робко кивнула, Герман нежно взял её руки, осторожно прижал ладони к куску глины, стал медленно вращать гончарный круг.

– Ой! Получается! – обрадовалась Клара. – Какая глина, оказывается податливая, – счастливо удивлялась она.

А бедная Марта готова была разорвать обоих. Она и думать забыла о своём кувшине, прибежала домой вся в слезах, бросилась к матери:

– Он влюбился, влюбился в Клару!

– С чего ты это взяла? – рассудительно осведомилась мать.

– Это же видно, сразу видно! Он так на неё смотрит! Так разговаривает. О, я такая несчастная!

Мать обняла девушку, погладила по голове, сказала успокаивающе:

– Погоди, не спеши с выводами. Жизнь всё расставит на свои места. Никто не может знать заранее свою судьбу.

Напрасно Марта старалась последовать мудрому материнскому совету, не могла она быть спокойной в этот день. Она пыталась отвлечься, охотно бралась за любую домашнюю работу. Но всё валилось у неё из рук, дела не ладились. Девушке хотелось только сесть в уголке и тихо грустить о своём.

День уже клонился к вечеру, отчаяние всё не покидало дома Марты. Её мать сочувственно смотрела на дочку, не зная, чем помочь горю. Новые события отвлекли их.

До тихой сильно удалённой от города деревни добралась беда, терзавшая горожан. Отцы-инквизиторы предприняли поездку в провинцию. Народ прятался от священников, боялись их хуже чумы. Но находились и те, кто радовался появлению инквизиторов. В любом месте всегда найдётся злой завистник и человек, готовый донести на соседа, чтобы получить часть его имущества. Страх опустился на деревню, как густой туман. Люди старались не выходить из своих домов, сторонились соседей.

На следующее утро приезжий приор-доминиканец служил мессу в скромной деревенской кирхе. Вдохновенный оратор живописал земные грехи так ярко, словно хотел, чтобы прихожане сразу добровольно бежали на костёр. Из его слов выходило, что любой живой человек, только и делает, что грешит.

– ...Будьте бдительны, – громогласно вещал приезжий. – Вельзевул подстерегает каждый ваш шаг. Он знает все слабости человеческие! Особенно легко поддаются на его уловки женщины. Со времён прародительницы Евы женский род подвержен сонму грехов. Дьявол ловит их на излишней любви ко всему яркому: нарядам, украшениям, безделушкам. Они вгоняют своих мужей и отцов во грех расточительности. Мешают жить благочестиво и аскетично, как жили настоящие праведники...

Вся проповедь была полна обличением грехов женского рода. Доминиканец ненавидел женщин и призывал к этому остальных.

– ...Берегитесь! Любая скромно опускающая глаза девица на самом деле может оказаться ведьмой! – закончил он своё выступление, стукнув кулаком по кафедре.

Прихожане ещё долго сидели на своих местах, словно боясь пошевелиться. Когда, наконец, народ стал покидать кирху, Марта хотела быстрее бежать домой, но мать её остановила:

– Разве ты ничего не хотела шепнуть священнику?!

В первое мгновение девушка даже растерялась, но быстро поняла о чём идёт речь.

– Ты думаешь... стоит?!

– Сама решай – нужен тебе гончар или ты готова без боя отдать его Кларе.

– Но это жестоко, – замялась Марта.

– Хочешь остаться старой девой? – жёстко подхлестнула её мать.

И Марта решилась. Она торопливо подошла к читавшему проповедь инквизитору и затараторила какую-то чушь про порчу, которую насылают Кларе на домашних животных. Священник внимательно слушал, кивал, очень серьёзно отнёсся к каждому слову.

– Ты правильно сделала, дочь моя, что рассказала мне обо всём, – доверительно сказал инквизитор.

– Ведь её не сожгут? – с надеждой спросила девушка.

– Это не нам решать, дочь моя. Ступай себе с миром. И не волнуйся за свою соседку, – успокаивающе произнёс приезжий и торжественно перекрестил девушку.

Едва она переступила родной порог, раскаяние заполнило душу Марты. Она места себе не находила. Её сердце металось от злости с обидой к жалости и отчаянию. Напрасно мать уверяла влюбленную дочку, что другого выхода у неё не было.

И совсем уж плохо стало Марте, когда она увидела, как по её доносу отцы-инквизиторы арестовали и уводили с собой соседку. Но не Клару, а ничего не понимающую Анхен. Мудрые священники перепутали дом!

Ровно через год Клара и Герман поженились.

Глава четырнадцатая ВТОРОЕ СВИДАНИЕ

– Прости меня, Лиза! – душещипательно произносит Света, когда я заканчиваю чтение.

Я откладываю тетрадь, нарочно очень медленно. Просто не знаю, как реагировать.

– А меня не сожгли, – говорю первое, что пришло в голову.

– Как?!

В Светином вопросе столько же возмущения, как и удивления. Создаётся впечатление, что она до глубины души оскорблена моим ответом.

– Так получилось, меня спасли, – начинаю объяснять я, но она и слушать не хочет.

– Так ты всё знала?! – гремит Света. – Я тут распинаюсь перед ней, как дура, пишу целое сочинение, не сплю ночами, мучаюсь, а ей всё давно известно!

– Ничего мне не было известно, до того как прочитала всё это!

Я вскакиваю на ноги, хватаю Светину тетрадку, машу перед её лицом. Подружке тоже не сидится, она взвизгивает:

– Врёшь!

– Нет, не вру! Подумаешь, какие-то сны. Откуда я знала, что тебе снится то же самое! Вернее, не то же самое... ну... про...

– Так не бывает! – подытоживает Света.

Я устало опускаюсь на диван, честно признаюсь старой подружке:

– Конечно, не бывает у других, только почему-то в моей жизни последнее время полно всякой небывальщины и неразберихи. Честно говоря, мне это уже так надоело!

– А я-то здесь причём?!

– Судя по твоему рассказу, сама виновата.

– Глупости это всё! – выпаливает Света, хватая тетрадь и убегает.

Я смотрю, как она торопливо обувается, натягивает пальто, напяливает шляпку. Надо остановить подругу, свести всё к шутке,

посмеяться вместе, но у меня нет ни сил, ни желания прилагать так много усилий. Света так и уходит, хлопая дверью. А я сижу на диване и лениво смотрю ей вслед.

Я даже не удивляюсь, когда так и оставшаяся незапертой дверь осторожно открывается. Я твёрдо уверена, что это возвращается моя подруженька. Время удивляться настаёт, когда вместо Светы входит Александр.

– К-как ты меня нашёл?! – поражаюсь я.

– В наше время, зная телефонный номер, адрес найти не трудно, – оправдывается Саша. – Можно войти или я не вовремя?

– Конечно, конечно, вовремя! – спохватываюсь я.

Он входит и сразу достаёт что-то из-за пазухи, кладёт на пол. «Что-то» жалобно мяукает и требует вернуть его обратно. И оказывается тем самым лысым котёнком. Боже мой! До чего он противенький. Малюсенький, на тонких лапках, с огромными ушами. И... лысый! Абсолютно лысый! Только на ушах торчат жалкие обрывки шерсти. Морщинистая шкурка серая, словно присыпанная пеплом. Тоже мне «первый подарок любимого человека». Я не свожу глаз с дрожащего на полу мутантика и не замечаю, как Александр достаёт из-за спины и протягивает мне цветы, тщательно завернутые в газету. Подымаю голову и вижу свёрток прямо перед носом. Поспешно разворачиваю, под защитой периодической печати в прозрачном конверте нежатся три розовые розы.

– Я почему-то подумал, – извиняющимся тоном объясняет Саша, – что тебе нравятся именно розовые. Надеюсь, я угадал?

– Угадал, – расплываюсь в счастливой улыбке я, – очень точно угадал. Мужчины вечно норовят дарить красные цветы, а мне кажется, они больше подходят для солидных дам и торжественных случаев.

Я отправляюсь ставить цветы в вазу, с наслаждением вдыхаю сладкий аромат. Так-то лучше! А то я уж начала бояться, что так и не увижу цветов. Возвращаюсь, думая, что гость уже прошёл в комнату, а он сидит на корточках, всё там же в коридоре возле злополучного котёнка. Оказалось, киса уже освоилась в моём доме и отметила своё появление большой лужей и маленькой кучкой.

– У нас авария! – сообщает Саша.

Вместо того чтобы элегантно подавать своему гостю чай или кофе, я вооружаюсь тряпкой и борюсь с последствиями аварии. Ну вот, ещё с одним свиданием всё не слава Богу! Пообщаться с Александром мне удаётся после того, как я всё убираю, отмываю благоухающие руки и перевожу дух.

К счастью, Саше хватает такта вести себя, как ни в чём не бывало.

– Какие у тебя планы на этот день? – весело спрашивает он.

– Сегодня у меня институт, – притворяюсь серьёзным человеком я.

– Жаль.

– Мне сегодня обязательно нужно там появиться! За последнее время я пропустила слишком много. Боюсь, преподаватели забыли, как я выгляжу!

– Да, институт – это серьёзно!

– Очень серьёзно. И вообще, что за странная манера ходить в гости в такую рань?!

– «Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро, Тарам-парам-тарам-парам, на то оно и утро!» – озорно напевает мой гость, а я продолжаю строжиться:

– Ты вообще мог меня не застать, и куда бы ты тогда дел цветы и несчастного котёнка?

– Честно говоря, я рассчитывал застать хоть кого-нибудь: родителей или брата, – хитро щурится Саша.

– Он здесь больше не живёт, – смущаюсь я. – А у родителей своя квартира, но я представляю, как бы мама отреагировала, увидев это чудовище.

– И как же?

– Она бы принялась котёнка откармливать и втирать ему в шкурку гели для роста волос. Надо знать мою маму! У неё бы любой экзот оброс бы длинной шелковистой шерстью.

– Боюсь, с этой породой ничего не выйдет. Ох, я дурак! – неожиданно восклицает Александр. – Я забыл принести родословную. Это настоящий документ, с именами родителей, бабушек, дедушек...

– Надеюсь, мою киску ещё никто не назвал!

– Имя у неё уже есть. Как же можно выдавать паспорт без имени?!

– И как же зовут это чудо природы?

– Пальмира.

– «Северная Пальмира» в честь Петербурга? – предполагаю я.

– Или в честь другого города, который носит имя Пальмиро Тольятти, – смеётся Саша.

– Надо придумать что-нибудь попроще, – я делаю вид, что глубоко задумываюсь. – Быть тебе, киса, Пальмой! Кстати, а где киса?

Пока мы, сидя на диване, обсуждаем судьбу гордого породистого животного, оно отправляется обследовать квартиру. Тощие лапки скользят на линолеуме, но Пальма упорно продолжает путь в сторону кухни. Тщедушное тельце дрожит, словно от озноба.

– Она так и должна постоянно трястись? – осведомляюсь я.

– Бедняге постоянно холодно!

– Тогда я сошью ей шубу!

Моё брезгливое первоначальное отношение к странному подарку постепенно сменялось сочувствием и жалостью. Я принимаюсь искать какую-нибудь коробку, для того чтобы устроить котёнку уютное гнёздышко. Открываю антресоли высокого шкафа и попадаю под лавину разных забытых, давно ненужных вещей. На меня валятся подушки, коробочки, тряпки. Прямо на голову надевается старая корзинка.

– Тебе помочь? – сочувственно спрашивает Саша.

– Нет, я уже всё нашла.

Снимаю с головы плетёную «шляпу», кладу в неё небольшую подушечку, накрываю фланелевой тряпочкой.

– «Горшок» для Пальмы готов.

– Не забудь, что ей понадобится и настоящий горшок.

– Это позже.

Я решительно заталкиваю всё ненужное в ящик и захлопываю дверцы шкафа. В это время с кухни раздаются весьма жалобные звуки, больше всего похожие на чихание ребёнка и мышинный писк. Вместе с Сашей мы бежим туда.

Похоже, экзотический зверёк всё-таки простудился. Пальма уморительно морщится и чихает, при этом её лапки скользят и разъезжаются на гладком линолеуме. Пальма падает и жалобно пищит, стараясь подняться. Её трудное передвижение увенчалось успехом, когда она добирается до места, щедро нагретого солнечными лучами, льющимися из окна. Кошка растягивается в блаженной позе и урчит. Я ставлю корзинку рядом и кладу в неё котёнка. Наконец-то моему экзотическому чуду становится тепло.

Александр смотрит в окно на залитый солнцем двор и предлагает:

– Может, институт всё-таки подождёт?

– Прогулять ещё раз?! – я делаю вид, что сомневаюсь.

– На улице так хорошо, так солнечно, – соблазняет меня Саша. – Можно пойти в парк, кататься на каруселях.

– Они ещё работают? – удивляюсь я. – Ведь уже осень.

– Работают последний день. Сегодня же тридцать первое число.

– Не судьба мне нынче получать знания, – театрално сокрушаюсь я.

Поставив перед сладко спящей Пальмой еду и питье, мы оставляем её одну и убегаем гулять. Наше свидание всё больше приобретает классические черты. Парк, куда мы направляемся, расположен совсем рядом с моим домом. И я очень радуюсь, что нам не приходится пользоваться никаким транспортом. Хотя меня успевает посетить подозрение, что Александр приехал ко мне на своём автомобиле. Я даже критично оглядываю двор, но не нахожу ничего подходящего.

Погода – подарок осени. Высокое ясное небо, по-летнему жёлтое солнце и тепло не по сезону. Сразу за воротами парка начинается детство. Мы точно как маленькие, взявшись за руки, бежим кататься на карусели. Словно для того, чтоб усилить сходство, Саша начинает меня баловать.

– Мороженое хочешь?

– Хочу!

– Тебе пломбир? Я угадал?!

– Да. Но как тебе это удалось? – смеюсь я.

– Всё очень просто, я тоже люблю пломбир.

А через пару минут:

– Сладкую вату будешь?

– Буду!

– Шоколадку хочешь?

– Хочу!

Точно как в детстве объедаюсь сладостями и так же, как тогда, уже вскоре я обнаруживаю, что сладкие пальцы начинают прилипать друг к другу. По всей видимости, открытие это отражается на моём лице такой мрачной озадаченностью, что Саша смеётся, глядя на меня. В ближайшем киоске он покупает бутылку минералки и льёт мне на руки. Точно так же, как делал когда-то давно отец. Достает из кармана огромный носовой платок. Я вытираю мокрые руки, счастливо смеюсь и канючу, как маленькая:

– Идём, идём быстрее на карусель!

И мы бежим к аттракционам.

– Куда? – успеваешь спросить Александр.

– На «Торнадо»! – команду ю я.

Аттракцион почти полон, мы залетаем по железным ступенькам на маленькую площадку и упираемся в грозную и грузную фигуру контролёрши.

– Где ваши билеты? – неумолимо хмурится она.

– У нас нет. Мы потом принесём обязательно! – жалобно обещаем мы.

Самое удивительное, что пожилая, строгая женщина верит нашим счастливым лицам и пропускает нас на карусель. В полном восторге от её необъяснимой доброты мы поспешно усаживаемся на первое, почему-то ещё не занятое сиденье. Раздается оглушительный скрип, «Торнадо» медленно трогается... быстрее, быстрее! Раскачиваясь из стороны в сторону, мы несёмся вперёд, поднимаемся вверх, резко падаем вниз, круто поворачиваем вправо, влево. Я громко восторженно кричу, заражаю всех своим весельем, и вскоре дружные весёлые крики заглушают пронзительный скрип железа.

Вот крики стихают, движение замедляется и замирает.

– Хочу ещё! – заявляю я.

Помня данное обещанье, Александр отправляется за билетами. Возвращается, запыхавшись, отдаёт контролёрше сразу четыре штуки. Безумный полёт повторяется, но почему-то уже не так страшно и весело. Но я не сознаю, что почти перестала бояться, и на первом же спуске испуганно верещу:

– Ой, держите меня, держите!

Саше два раза повторять не приходится, он сразу крепко обнимает меня. Страх улетучивается окончательно. Голова моя теперь занята совсем другим...

– Куда теперь? – спрашивает Александр, когда «Торнадо» опять останавливается.

– Туда! – указываю я пальцем на ближайший аттракцион.

– Ты там уже каталась?

– Никогда!

– Тогда стоит попробовать.

Случайно выбранный мною аттракцион именуется «Шторм», хотя ничего морского в нём нет. Сиденья медленно ползут вверх, вдоль высоченной вертикальной опоры. Скука да и только! И вдруг мы резко срываемся вниз. Падаем со страшной скоростью. У меня дыхание перехватывает! Одно мгновение состояние напоминает невесомость. Секунда, и мы уже на земле! Вот всё и кончилось.

– Теперь я понимаю, почему это развлечение обозвали «Штормом», – признаётся Александр.

– Да, впечатление такое, – подхватываю я, – как будто корабль падает с огромной волны.

– Ты бывала на море в шторм? – удивляется мой спутник.

– Я вообще не была на море, даже на Балтийском. Мы с родителями были в Петербурге в разгар зимы. Даже Финский залив смотреть не поехали.

– Откуда же ты знаешь, каково на корабле в шторм?

– Понятия не имею, – легкомысленно отмахиваюсь я, – вполне возможно, что космонавты испытывают то же самое при приземлении. Пошли лучше кататься на чём-нибудь.

– Может, пойдём на «чёртовое колесо»?

– Да, – радостно киваю я, сразу вспомнив, как на «чёртовом колесе» целовались главные герои любимого сериала.

У меня сердце бьётся часто и взволновано. «Детский сад» разом кончается. Мои мысли принимают очень взрослое направление. Пора уже нашим отношениям определяться и переходить на новую стадию.

– Не забудь на этот раз купить билеты, – деловито напоминаю я.

Я так боюсь не попасть на «места для поцелуев». Вполне благополучно мы усаживаемся в отдельную кабинку. Колесо начинает своё неспешное вращение, мы поднимаемся... а я всё не могу решить, стоит ли разыграть боязнь высоты или это будет уже слишком. Своё волнение я прячу за многословие. Болтаю обо всём, что только придёт в голову:

– Ты не в курсе, почему это колесо называют «Чёртовым»?

– Может быть, когда его придумали, пытались крутить гораздо быстрее, и первые посетители катались до тех пор, пока не увидят зелёных чертей, – весело предполагает Саша.

Я смеюсь, мимо медленно-медленно проплывают верхние ветви высоких деревьев. Выше только огромное голубое небо, обстановка неумолимо становится романтической и действует на моего спутника. На высоте довольно прохладно, я зябко ёжусь. Александр пользуется этим предложением, обнимает, для того чтобы согреть... и поцеловать.

Наконец-то! «Чёртовое колесо» занесло меня на седьмое небо. Таю и волнуюсь, точно как в первый раз. В голову даже приходит идея разыгрывать неприступность и отстраниться. Но, на самом деле, делать этого так не хочется. И я вообще перестаю думать.

Из блаженного легкомыслия меня грубо выводит резкий толчок и жуткий скрежет. Колесо останавливается, мы застреваем почти на самом верху.

Всё-таки хорошо, что я не стала притворяться, что боюсь высоты. Иначе сейчас бы пришлось изобразить панику. А мне так не хочется быть смешной. Но романтичный момент уже разрушен. Мы одни, под нами город, над головой – небо. Но что-то уже не так. Я прижимаюсь к Саше, умильно заглядываю в глаза... Порыв холодного ветра нагло ломится между нами, сильно раскачивает кабинку, становится неуютно и даже страшно!

– Чего они возятся?! Когда наладят это дурацкое колесо?! – возмущаюсь я.

– Похоже, именно в такой момент колесо и прозвали чёртовым, – улыбается Александр.

– Всё-то у нас ломается! Терпеть не могу неумех! Могли бы работать и побыстрее!

– Разве тебе плохо здесь со мной?! – ласково упрекает Саша.

– Нет, я... – теряюсь я, – сама не понимаю, чего я так завелась.

Мы возвращаемся к прерванному занятию, нам опять мешают. Повторяется противный оглушительный скрип, колесо начинает двигаться. Мы спускаемся вниз, и мне кажется, что мы движемся гораздо быстрее, чем поднимались. Уединение заканчивается. Мы в прямом и переносном смысле, спускаемся с небес на землю.

А на земле – земные потребности.

– Не знаю как ты, а я отчаянно проголодался! Ты не против поискать что-нибудь съестное? – предлагает мой спутник.

– Отличная идея! – радостно соглашаюсь я. – Только давай поищем что-нибудь гораздо серьёзнее сладостей.

Нужное направление указывает нам заманчивый запах жарящихся шашлыков, и мы спешим туда. В осеннем воздухе запах распространяется так далеко, что мы никак не можем найти вожделенную шашлычницу. Нам кажется, что везде пахнет съестным.

Мы, наконец, обнаруживаем крохотное затрапезное кафе. Вокруг благоухающего мангала всего три столика. За ними парочки жуют, смеются, болтают. Над шашлыками колдует колоритный армянин. Он только раскладывает новую партию, приходится ждать. В нетерпении я считаю шампуры. Раз, два, три... восемь. Я готова съесть все разом! А роскошно пахнущая свинина так медленно жарится, темнеет, румянится! Я не могу отвести от неё глаз, захлебываюсь слюной. Страшно хочу есть!

Мы берём по два шашлыка, садимся за столик. Я вонзаю зубы в мясо! Вкусный, хорошо прожаренный, прекрасно пахнущий дымком шашлык возвращает мне радость жизни. Солнце припекает совсем по-летнему, громко щебечут птицы, ветки высоких тополей украшают графикой голубое небо. Я разминаю в пальцах остаток хлеба, крошу воробьям. Они шумят и дерутся. Саша смотрит на меня, улыбается:

– Ты сейчас такая красивая.

– Только сейчас? – кокетничаю я.

– Тебе так к лицу...

– Сытость? – смеюсь, подсказываю я.

– Тебе к лицу солнце, – мягко поправляет меня Саша. – Ты вся светишься.

– Тогда мы слишком поздно познакомились, – шучу я, – лето кончилось, солнца всё меньше, а зимой я буду страшная и тусклая!

– У меня такое впечатление, что мы с тобой знакомы уже очень давно, уже лет пятьсот, со времён мрачного европейского средневековья. Ещё до открытия Америки.

– Я не такая старая! – смеюсь я.

Мы с Сашей ещё долго гуляем по осеннему парку, смеёмся, болтаем о всякой ерунде. Потом он провожает меня, и мы целуемся в подъезде, как школьники. Я уже готова тащить его к себе домой, но он вежливо прощается и уходит. Кажется, я его люблю!

Оглавление

ЧЁРТ ЗНАЕТ ЧТО.....	4
ХОЧУ ЛЮБВИ БОЛЬШОЙ И ЧИСТОЙ!.....	9
ЧАС ОТ ЧАСУ НЕ ЛЕГЧЕ.....	13
ЧУДЕСА, ДА И ТОЛЬКО!.....	17
СХОЖУ С УМА.....	23
ВТОРОЙ ДЕНЬ.....	30
МАШИНА ИСТОРИЯ, или ЦЫГАНСКОЕ СЧАСТЬЕ.....	38
ЦЫГАНСКОЕ СЧАСТЬЕ (продолжение).....	44
ЧЕМ ДАЛЬШЕ, ТЕМ СТРАШНЕЙ.....	51
СМЕНА ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ.....	59
ЗНАКОМСТВО С КРОХОЙ.....	66
ЖИВУ «ТАМ» И «ЗДЕСЬ».....	72
ЗА ЛЮБОВЬ ГОНЧАРА.....	78
ВТОРОЕ СВИДАНИЕ.....	84

От издателя

Роман Анны Чернышевой «Звезда бессмертия», разумеется, написан как единое целое, но возможности издателя позволили издать этот роман только таким образом – в трёх частях. Надеюсь, это не помешает читателям романа воспринимать его так же, как он написан, – единым целым.

Тираж 50 экз.